

Сергей Ташевский

ИСТОРИЯ КАПЛИ ЖИВОЙ ВОДЫ

Натурфилософская сказка

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelredami

0+

Сергей Владимирович Ташевский

История капли живой воды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58492333

SelfPub; 2020

Аннотация

Вряд ли вы знаете, каково это – просачиваться сквозь песок, продавливаться сквозь побег бамбука, крутиться в ядерном реакторе, бороться с вирусом в желудке маленькой девочки и путешествовать вместе с глистом в зобе перелётного журавля. Но поверьте, это лучше, чем лежать миллиарды лет в ледяной тюрьме Антарктиды, вечно лететь в холодном космосе на комете или крутиться в водяных часах, отмеряя время. Если вам надоели сказки, в которых нет ни капли правды, и правда, в которой нет ни капли сказки, самое время вырваться на свободу, сделав «фьють» с маленькой каплей воды.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЯ РЕЗВИТСЯ И ДЕЛАЕТ «ФЬЮТЬ»	7
ГЛАВА ВТОРАЯ. КАПЛИ ЛЕЯТ И БОЛТАЮТ О ПУСТЯКАХ, ПОКА НЕ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В...	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ НА МОТОЦИКЛЕ РАССКАЗЫВАЕТ МАЛЬЧИКУ ПРО МАРСИАНСКИЙ НОВЫЙ ГОД	17
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЕЙ ТУШАТ ПОЖАР	27
ГЛАВА ПЯТАЯ. ГРОЗА	34
ГЛАВА ШЕСТАЯ, В КОТОРОЙ РАЗНЫЕ КАПЛИ ДЕЛЯТСЯ ДУШЕРАЗДИРАЮЩИМИ ИСТОРИЯМИ	40
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, ПРО ВЕЧНОЕ ЗАТОЧЕНИЕ ВОДЫ. НУ, ПОЧТИ ВЕЧНОЕ	47
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. МЕЛКОЕ ХУЛИГАНСТВО В ДОЛИНЕ ГЕЙЗЕРОВ	52
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЯ БЕЖИТ ПО СТЕКЛУ И СВОДИТ НОВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЛЮДЬМИ	56
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. КОРОТКОЕ	61

ПУТЕШЕСТВИЕ СО СВАРЛИВЫМИ ДРИАДАМИ	
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЮ ВЫПИВАЕТ МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА	67
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЗАНУДНАЯ МИКРОФЛОРА	71
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. БИТВА С РОТАВИРУСОМ	76
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ ИЗ ГЛИНЫ	80
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЯ ЗНАКОМИТСЯ С ИНТЕРНЕТОМ	85
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ ПРО КОМЕТНОЕ ВЕЩЕСТВО, КОТОРОМУ НАДОЕЛО ЖИТЬ В КОСМОСЕ	92
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ САМОЛЕТ ВЫЗЫВАЕТ ДОЖДЬ	97
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. РАЗГОВОРЫ В РОДНИКЕ ЖИВОЙ ВОДЫ	101
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ ПОЯВЛЯЕТСЯ ЗНАКОМЫЙ КАПЛЕ МАЛЬЧИК. ТОЛЬКО ОН ГРУСТИТ. ЭТО ВООБЩЕ ГРУСТНАЯ ГЛАВА	106
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, ВНУТРИ КОТОРОЙ	112

ОБНАРУЖИВАЕТСЯ ГЛИСТ	
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, В КОНЦЕ КОТОРОЙ КАПЛЕ СТАНОВИТСЯ НЕМНОГО СТЫДНО	117
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. СОЛЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЧУДЕСА	121
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЯ СПАСАЕТ НАХОДЧИВОГО ГОНЩИКА	128
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЯ ПРОВЕЛА МНОГО ЛЕТ, А ВЫ ПРОЧИТАЕТЕ ЕЕ ЗА ПЯТЬ МИНУТ	137
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. ВСЕ НАЧИНАЕТ МЕНЯТЬСЯ	143
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. ШАХМАТЫ И СТРАШНАЯ МЕСТЬ	147
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, НИЧЕГО ХОРОШЕГО НЕ ПРЕДВЕЩАЮЩАЯ	153
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, ИЗ КОТОРОЙ СТАНЕТ ЯСНО, КАК УСТРОЕН АТОМНЫЙ РЕАКТОР	160
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. ПЕСНЯ УРАНА	165
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ, В КОТОРУЮ СНОВА НЕНАДОЛГО ЗАГЛЯДЫВАЕТ ГЛИСТ	170
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. НАЗВАНИЯ	176

ОБЛАКОВ, СИЛА КОРИОЛИСА И РАКЕТЫ	
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ, В КОТОРОЙ ОДНИ ЛЮДИ ВСТРЕЧАЮТСЯ, А ДРУГИЕ ДЕЛАЮТ «ФЬЮТЬ»	181
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ ЛУЧШЕ ВСЕГО ПОСТАВИТЬ ТОЧКУ	187

ГЛАВА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЯ РЕЗВИТСЯ И ДЕЛАЕТ «ФЬЮТЬ»

Жила в океане капля. Конечно, не одна. В океане столько капель, что ни один компьютер не сосчитает.

Да и что их считать? Какое дело людям до капли?

Вот океан – это, конечно, серьёзная штука. Шумит, бурлит, корабли топит. А капли – они и есть капли, все одинаковые. Про них даже поговорка есть: «похожи, как капли воды».

Глупая, кстати, поговорка.

Когда чего-то много, людям кажется, будто это одинаковые мелкие штучки. Много песчинок, например. Или много муравьёв. Людям и про себя так кажется, когда они утром в метро на работу едут. Но нельзя найти две одинаковые частички песка, или двух совсем одинаковых муравьёв. А людей – тем более.

Вот так же и капли в океане. Трудно поверить, но двух похожих нет. У каждой – свой характер, своя жизнь. И своя история.

У нашей капли характер был весёлый и любопытный. Может, потому ей не сиделось на месте. В холодной морской

глубине, где живут только гигантские кальмары, она суча-
ла, разогревалась от нетерпения, и все больше стремилась
наверх.

– Куда ты торопишься?! – ворчали другие капли. – Вот
поднимешься к поверхности, и испаришься! Фьють! Поми-
най как звали.

– Что значить фьють? Меня больше не будет?

– Ну как тебе сказать, – отвечали холодные капли. – Как
тебе сказать...

Но их голоса звучали все слабее, потому что капля дви-
галась вверх. Вокруг становилось теплее от дыхания других
весёлых капель, крутившихся в азартном танце.

– Полетели! Полетели! – кричали они.

– Куда мы летим?

– К волнам! К течениям! К серебряному солнечному блес-
ку! Давай, давай!

– А вы не боитесь, что... Фьють?

– А-ха-ха! – смеялись весёлые капли. – Ну что за глупости!
Выскакивай и запрыгивай! Бульк! Бульк! Не бойся,
«фьють» холодные донные воды придумали. Делай как мы,
все будет хорошо.

И правда, когда они достигли поверхности, начался насто-
ящий праздник. По океану гуляли волны, и капли, сливаясь
друг с другом, стремительно летали на их гребнях, а потом
рассыпались порознь, превращаясь в красивую белую пену.
Так они резвились все утро, пока ветер не стих. Волны сде-

лались медленными и пологими, вода – вязкой от усталости.

– Уфф... Хорошо повеселились! – выдохнула капля, блаженно растянувшись на поверхности и греясь под лучами солнца. – Ой... Что это такое? Это же...

– Фьють! – прозвучало где-то, и капля почувствовала, как невидимая сила отрывает её от воды. Тело стало длинным-длинным, превращаясь в призрачную струйку пара.

– Какой кошмар! – только и успела подумать она. – Прощай, родной океан! Что теперь будет? Куда я лечу?

– В облако! – закричала другая капля, чей дымчатый хвостик мелькнул на мгновение рядом. – Мы летим в облако! Надеюсь, не в грозовое!

Капля посмотрела вниз, и ахнула. Океан стремительно удалялся, волны с высоты казались мелкими кошачьими царапками. Зато сверху приближалось что-то белое и пушистое. Облако!

– Ну вот, устраивайся поудобней! – наперебой защебетали капли-призраки, теснившиеся внутри мохнатого кучевого облака. – Это наш воздушный корабль! Мы отправляемся в большое путешествие! Ты готова?

– Я не знаю... – пробормотала капля. – А надолго мы тут? Когда это кончится?

– Когда кончится? После дождичка в четверг! Ха-ха-ха!

Подул ветерок, и облако, как огромный дирижабль, медленно двинулось вперёд. Весёлые капли в прозрачных рубашках из пара продолжали развлекаться, они кувыркались,

суетились и вытягивали облако в разные стороны, меняя его форму. То оно превращалось в огромного кита, то в дракона, то в чей-то прекрасный профиль, нарисованный в небе.

А внизу между тем пейзаж менялся минута за минутой. Незаметно промелькнул берег океана, где волны лизали песок мокрыми языками, выбрасывая на берег одни капли и забирая назад другие. Началась суша.

Для воды суша – как для нас океан. Место загадочное и красивое, но немного тревожное. От волнения капли прижились в облаке ближе друг к другу, а некоторые даже сливались с соседками, тяжелели и падали вниз.

– Эй! Не бояться! Не сливаться! – кричали им те капли, что постарше и поопытней. – Иначе мы сейчас прольёмся дождём! Разбегайтесь в стороны! Раз-два!

В конце концов другие капли их послушались, оттолкнулись друг от друга, расплелись в тонкие ниточки пара – и облако, которое уже почти почернело снизу, набухая дождём, снова превратилось в милого белого барашка.

– Мме! – дурачась, закричали весёлые капли. – Поехали дальше!

Облако летело по небу, а его тень быстро бежала по земле, перепрыгивая леса, мосты, автомобильные дороги. Сама земля внизу, особенно на распаханых полях, казалась жадной и сухой, будто смотрела снизу на облако и хотела его выпить.

– Ну уж нет! Перебьёшься! – усмехалось облако и летело

своей дорогой. Впрочем, земля не очень-то на него рассчитывала: все ведь знают, что из белых кучевых облаков дождя почти никогда не бывает. Они в небе просто так, для красоты.

А между тем наступал вечер, и чем ниже клонилось к горизонту солнце, тем ниже опускалось облако, и его брюшко снова стало темнеть. Ветер почти стих, и вот внизу показался небольшой городок, с маленькими аккуратными домами и улицами, мощёными булыжником. Он оказался так близко, что можно было разглядеть вывески на магазинах и пухлых ангелов, украшавших фасад старинной церкви. Несколько прохожих, стоявших посреди площади, о чем-то горячо спорили:

– Пойдёт!

– Нет, не пойдёт!

Наконец один из них посмотрел на небо и решительно открыл зонт.

– Смотрите, он открыл зонтик! Давайте сделаем кап! – крикнула сверху одна из капель.

– Давайте не будем! – возразила другая.

– Давайте капать! Давайте!

– Нет! Одумайтесь! Ни за что!

– Я хочу кап! И я!

В конце концов из этого спора и неразберихи капля по капле начался дождик. Сперва неохотный, а потом очень даже охотный. Каждая капля летела вниз, стараясь попасть в

какую-нибудь цель. Конечно, большинство метили в мужчину с зонтом.

Но не всем каплям это нравилось. Некоторые не спешили падать на землю, а наоборот перебирались повыше, к верхнему краю облака.

– Пусть капают, если так не терпится! – ворчали они на дождевых выскочек. – Чего мы на этой земле не видели! Кто как хочет, а мы полетели дальше!

И наша капелька после недолгих раздумий решила, что они правы. Куда спешить? Ведь путешествие только началось!

Она распушила свою рубашку из пара и поднялась туда, где с края облака открывался прекрасный вид на город и заходящее за горизонт солнце. Едва она оказалась наверху, как солнечные лучи лизнули её холодными нежными языками, и внутри как будто что-то запело от восторга. Другие капли, её соседки, тоже преобразились: они сверкали и переливались в свете заходящего солнца, и в каждой звучала тихая но невыразимо прекрасная музыка.

Едва мелодия разнеслась по облаку, как дождь прекратился. Все капли бросились наверх, чтобы присоединиться к поющим. И люди внизу тоже закрыли зонты, задрали головы и стали смотреть вверх, на небо.

– Смотрите, смотрите, радуга! – закричали они.

– Да, мы радуга! – радостно сообщила капле соседка. – У нас получилось! Ты раньше когда-нибудь была радугой?

– Нет, ни разу!

– Ну, загадывай желание!

– Хочу... – воскликнула капля – Хочу узнать все-все-все на свете!

– Ты узнаешь! – пообещала соседка. – Но для этого придётся пережить много приключений и превращений. Ты готова?

– Конечно готова!

– Тогда полетели!

ГЛАВА ВТОРАЯ. КАПЛИ ЛЕТЯТ И БОЛТАЮТ О ПУСТЯКАХ, ПОКА НЕ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В...

Всю ночь и весь следующий день облако неторопливо летело на север. Поля внизу как-то незаметно исчезли, их сменили бескрайние леса, в которых ночью не горело ни огонька, а днём лишь изредка встречались извилистые реки. Вдоль речек, даже самых маленьких, расстилались широкие луга, так что с высоты казалось, будто леса отшатываются от рек в каком-то первобытном ужасе.

– Почему лес боится реки? – спросила капля свою соседку по облаку.

– Не знаю. Деревья ведь тоже любят пить воду. Почему бы им не расти у самого берега?

– Они бы с удовольствием росли! – вмешалась в их разговор другая, более опытная капля. – Да только реки не всегда такие спокойные, как сейчас. Весной они разливаются, живо подмывают корни деревьям, и уносят их вниз по течению! Я сама однажды оказалась в реке во время половодья – ух, как быстро мы летели!

– А почему реки разливаются?

– Потому что тает снег!

– Что такое снег?

При этом вопросе все капли в облаке тихо засмеялись.

– Скоро узнаешь! – пообещала соседка. – Думаю, уже этой ночью, если ветер не изменится.

Но ветер не собирался меняться. Он все дул на север, и к вечеру капли начали поёживаться от холода.

Под утро внизу показался большой город. Он был совсем не такой, как первый – дома большие и современные, улицы широкие и заасфальтированные, а на окраинах дымились трубы. Когда облако проплывало над одной из таких труб, в него бросилась целая гурьба весёлых разгорячённых капель.

– Эй, привет, что такие сонные? – кричали они. – А мы только что из бани! Нас берёзовым веником хлестали! Ух, как было весело!

– Что такое баня? – хотела спросить капля, и вдруг обнаружила, что лишилась дара речи. С ней происходило что-то непонятное: из облачка пара она превращалась в маленький белый скелетик, с шестью крошечными ножками, на которых стремительно росли красивые белые щетинки, как лучи в детском калейдоскопе.

– У, подруги, да вы уже снежинки! – закричали капли, прилетевшие из бани. – Ну с новым годом тогда! С лёгким паром! Ха-ха!

Капля (хотя, конечно, она уже была не каплей) оглянулась – и не поверила тому что увидела. Её теперь окружало несметное множество таких же снежинок, как она.

Таких же, да не таких!

У каждой из миллионов снежинок был свой, непохожий на другие, узор. У одной лучики разбегались во все стороны, у другой щетинились как ветки мха, у третьей были похожи на застывшие языки огня... И ни одна снежинка не повторялась, каждая застыла в неповторимом наряде. (Если вы до сих пор думаете, что все капли одинаковые, посмотрите в микроскоп на снежинки. Людям и не снилось такое разнообразие! Ни один художник на свете не сможет придумать столько узоров. А каждый наряд снежинки – это характер, это душа капли воды).

– Так вот мы какие на самом деле! – подумала капля. – Красивые и торжественные, мудрые и неторопливые! Как хотелось бы продлить это мгновение, остаться в снежном облаке!

Но ветер неожиданно стих, и облако остановилось. Раздался тихий мелодичный звон – это снежинки касались друг друга ледяными лучиками. А потом звон превратился в мелодию – в мелодию снегопада.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ НА МОТОЦИКЛЕ РАССКАЗЫВАЕТ МАЛЬЧИКУ ПРО МАРСИАНСКИЙ НОВЫЙ ГОД

Снежинка (а на самом деле замёрзшая капля воды), медленно кружась и кувыркаясь, падала на землю. Иногда на лету она касалась других снежинок, и они, закрутившись, разлетались в разные стороны. Их танец продолжался и продолжался – казалось, они неподвижно висят в воздухе над городом.

– Как хорошо быть снежинкой! – думала капля. – Летишь себе беззаботно, красуешься в свете фонарей... Ой, а что это такое?

Из темноты вдруг вырвалась мохнатая лапа, схватила и прижала её к другим снежинкам, сгрудившимся между крепких смолистых игл. От лапы исходил приятный древесный запах, весёлый и праздничный. Лежать на этой лапе казалось совсем не страшно.

– Динь-динь! – звенели все новые снежинки, падавшие на мохнатую лапу и ложившиеся рядом с каплей. – Хрусть-

хрусть!

Они тоже лишились дара журчания, только тихо позвякивали и похрустывали, так что невозможно было узнать, что происходит. Оставалось только ждать.

Ждать пришлось очень долго. Время как будто замёрзло, только лапа, на которой лежали снежинки, неспешно поднималась и опускалась под порывами ветра. Наконец наступил рассвет, и сквозь утренние сумерки начали проступать белые улицы и тротуары, на которых редкие пешеходы оставляли черные цепочки следов. Пробежала собака, изо рта у неё шёл пар. По улице проехала цепочка машин, сгребавших большими ковшами снег к обочине.

Неожиданно все задрожало и закачалось, а потом над снежинкой поднялась длинная лестница, по которой лез вверх человек. В руке у него серебрились красивые гирлянды, перепутанные с проводами и лампочками. Человек начал развешивать все это над снежинкой, стряхивая её подруг и обдавая лапу морозной пылью. Его дыхание было совсем близко, так что снежинка испугалась, что сейчас растает. Но человек прицепил фонарик на железной прищепке прямо рядом с ней, а потом куда-то исчез.

Прошёл ещё час, и на площади (над которой будто на удобном еловом балконе лежала снежинка) заиграла музыка.

Музыка была разная. Иногда нежная, так что снежинке хотелось растаять и превратиться в слезу. Иногда весёлая и простодушная, как молодые капли, которые в первый раз де-

лают «фьють». А иногда – никакая. Просто музыка, чтобы прогнать другие звуки.

Но других звуков все равно становилось все больше, потому что внизу собиралась маленькая толпа замотанных в шарфы мальчиков и девочек. Потом музыку начал перекрикивать высокий женский голос, который что-то спрашивал у детей. «Дед-мо-роз!», – нестройным хором затянули детские голоса. Музыка, будто выпрыгнув откуда-то из глубокой пещеры, снова их заглушила, и над заснеженной площадью загремела песня про лесного оленя, по которому кто-то скучает и очень красивым голосом зовёт на помощь:

«Примчись, лесной олень, по моему хотенью!»

Умчи меня, лесной олень, в свою страну оленью!»

Песня звучала так призывно, что если бы снежинка была лесным оленем, она бы несомненно послушалась, прискакала бы и умчала неведомую певицу куда она хочет. Но вместо оленя на зов явился чёрный мотоцикл с коляской, выруливший на площадь из соседнего переулка. За рулём восседал огромный человек в красном кафтане и колпаке с широкой белой бородой. Мотоцикл подпрыгивал и рыскал туда-сюда на обледеневшей дороге, а на его переднем крыле красовалась увесистая хромированная фигурка оленя, которая дрожала, когда колесо подпрыгивало на ледяных буграх. Похоже, её свинтили с капота какого-то автомобиля.

– Ну что, Снегурочка, заждалась? – закричал мотоциклист, круто развернувшись на льду и чуть не въехав в осно-

вание ёлки.

– Хулиганишь ты, Дед мороз! – строго сказала женщина в синем платье (оказывается, это её голос слышала снежинка) – Осторожней техникой управляй! Дети кругом...

– Да я что... Да я же осторожно! Это олень у меня перепугался, никогда раньше города не видал...

– Оно и видно, что олень за рулём! – едко заметила Снегурочка. – Ну ладно, дед, глуши мотор, доставай детворе подарки.

Мотоцикл дёрнулся и замер, а красный человек, которого звали Дед Мороз, неуклюже вылез из седла и обернулся к детям.

– Эй! – воскликнул он. – А хорошо ли вы учились в школе?

– Хорошо! – неуверенными голосами закричали дети.

– Ну и молодцы! – ответил им Дед Мороз. – А то ведь тут какое дело... Говорят, на Луну и на Марс без образования не берут. Даже мне сегодня на орбитальной станции космонавты сказали: иди, старый, в школу, доучивайся, иначе в космос больше не полетишь! А как на Марсе без Деда Мороза?

– А там разве есть Новый Год? – удивлённо спросила Снегурочка.

– Конечно есть! Правда, приходит он на Марс реже, чем к нам. Марсианский Новый Год, раз в два земных Новых Года случается.

– Значит люди, если полетят на Марс, будут ждать празд-

ника в два раза дольше?

– Ну, наверное, нет! – почесав в затылке, ответил Дед Мороз. Глаза его сделались мечтательными и задумчивыми. – Они, скорее всего, на первых порах будут и земной Новый Год встречать, как же иначе. Ну и марсианский будут тоже. А дальше, конечно, как получится. Какие праздники себе выберут, такие у них и будут.

От этих разговоров снежинки совсем притихли, они больше не звенели и не скрипели. И ветер стих. И музыка. В конце улицы со скрипом закрыл двери-гармошки автобус, проворчал по снегу шинами, и снова настала тишина. Дети тоже стихли – но по глазам было видно, что они уже представляют, как люди встречают на Марсе Новый Год.

– Много ты знаешь, Дед Мороз! – звонким голосом прервала паузу Снегурочка. – Зачем же тебе в школе учиться-то?

– Кто много знает, тому всегда знаний мало! – весело подмигнул Дед Мороз и поправил бороду. – А чтобы покорять другие планеты, надо знать все на свете! Как и что у нас на Земле устроено. Ты ведь не построишь дом, если не знаешь, как класть кирпичи. Не рассчитаешь путь ракеты, если не знаешь математики. И электричества не добудешь, если плохо физику учил. На Марсе все надо будет начинать заново, и наши земные знания там на вес золота пойдут.

– А сейчас у тебя, Дед Мороз, каникулы?

– Кому каникулы, а кому самая что ни на есть работа! –

вздыхнул Дед Мороз. – Хорошо, что работа у меня приятная – подарки детям раздавать.

– Так что же ты стоишь? – не выдержала Снегурочка, и снежинка, наблюдавшая за ней с еловой лапы, с удивлением заметила, что она дала Деду Морозу незаметного пинка. – Давай, старый дед, хватит про космос фантазировать, раздавай!

– Ой, да! – воскликнул Дед Мороз. – Что-то мы с вами заговорились, а мне же ещё по Земле много куда ехать. Все меня с подарками ждут. Хорошо, что на Луне сегодня никого нет, американцы вроде домой улетели... Ой! Да я сейчас... Ну, подходите по одному!

Немного пошатываясь, он вытащил из коляски внушительных размеров красный мешок, из которого стали появляться разноцветные коробочки, кульки, пакетики.

Они шли нарасхват.

Получившие подарки дети потихоньку расходились.

– Ой, мы совсем забыли! – вдруг воскликнула Снегурочка. – Надо же было ёлку зажечь!

– Ну что же ты! – с укором посмотрел на неё Дед Мороз.

– Так это ты забыл!

– Подумаешь! Дело поправимое. Раз-два-три... Ёлочка, гори!

– Они совсем с ума сошли! – подумала снежинка. – Они хотят поджечь эту лапу, на которой мы лежим! Мы же сейчас растаем!

Но ёлка не зажигалась.

– Дети, надо помочь Деду Морозу! – сказала Снегурочка. – Давайте все хором...

Для хора, конечно, голосов не хватало – под ёлкой оставалось пять или шесть детишек. Но они очень старались, и изо всех сил кричали вместе со Снегурочкой и Дедом Морозом: Раз! Два!...

На счёт «три» что-то сухо щёлкнуло, и лапа озарилась разноцветными бликами. К счастью, это был не огонь, а просто фонарики, которые зажглись здесь и там, внизу и вверху. Фонарик, который человек прицепил рядом со снежинкой, тоже вспыхнул, замигал, но через секунду лампочка в нем перегорела.

– Ну вот, – с облегчением сказала Снегурочка. – Теперь вроде все. А теперь...

Но тут ее голос заглушила музыка, которая грянула невесть откуда:

*«Где сосны рвутся к небу,
Где былль живёт и небыль,
Умчи меня туда, лесной олень!...»*

Опять что-то щёлкнуло, и звук скрылся туда же, откуда пришёл, убежал в свою оленью страну. В тишине было слышно, как Дед Мороз пинает стартер мотоцикла, а тот ругается и не хочет заводиться.

После пятой или шестой попытки красный человек снял с головы колпак, содрал с лица белую бороду и обернулся к

Снегурочке:

– А правда, прикинь, Людка, скоро люди заселят другие планеты, и актёрам придётся осваивать звездолёты, чтобы успеть туда на Новый Год. Мы даже представить не можем...

– Давай уже, езжай, Дед Мороз межгалактический. Не упадёшь?

– Не упаду.

Мотор наконец взревел, и, заложив лихой поворот на утоптанном снегу, красный мотоциклист помчался, подпрыгивая, через площадь.

Снегурочка тоже сняла с головы усыпанный блёстками кокошник, и из-под него выбилась волна красивых пшеничных волос.

– Мама! – закричал один из мальчиков. – Я знал, что это ты!

– Ну да, конечно я. Но ёлку-то мы зажгли, правда?

– Мам, да ну тебя! Я знаю, что снегурочки не существует. Но это же и не Дед Мороз был! Это дядя Лёня в маске! И с бородой! Я его знаю, он нам журнал «Америка» с «Аполлоном» и лунным модулем показывал!

– Дядя Лёня мечтатель, – мягко сказала Снегурочка. – А Дед Мороз и должен быть мечтателем.

– И пьяница, – добавил кто-то из ребят.

– Все мечтатели никчёмные пьяницы, так мой папа говорит! – выкрикнул другой.

– Твой папа дурак! – неожиданно сказал мальчик, и тут

же получил удар кулаком в грудь. Не прошло и мгновения, как под ёлкой завязалась драка, которую Снегурочке пришлось активно разнимать, а ещё через минуту стайка ребятишек уже бежала через площадь к переулкам. Под ёлкой остались только двое, Снегурочка в помятом платье и маленький мальчик с подбитым глазом.

– Ну и зачем ты это устроил? – строго спросила Снегурочка, встав на корточки и прикладывая ледышку к щеке побитого мальчика. – Ты и в школе так всегда делаешь?

– Мам... Не в этом дело.

– А в чем?

– А в том, что я хочу увидеть, как это будет! Как люди полетят заселять другие планеты! – пробормотал мальчик и всхлипнул носом. Его душили слезы.

– Мечтать об этом мало. Надо что-то делать. Учиться, работать... А не молоть языком, как дядя Лёня.

– Нет, – угрюмо возразил мальчик. – Мечтать тоже надо. И говорить. Иначе все забудем, и станем только есть, пить да телевизор смотреть. Как наши соседи. Я так не хочу. Я лучше буду мечтать.

– И как же ты будешь мечтать? Также станешь всем рассказывать про космос?

– Нет. У меня есть волшебная сила. Я загадаю сейчас желание, и оно сбудется!

– Какое желание?

– Вот это. Про другие планеты. Пусть, если все сбудется,

мне на руку упадёт снежинка.

– Откуда? – Снегурочка посмотрела на небо. – Смотри, уже солнце выглядывает!

– Вот буду тут стоять, пока не упадёт. Замёрзну, а дождусь.

– Ну что за глупости...

И в этот момент снежинка решительно отцепилась от ветки и полетела вниз. Она сама не понимала, зачем это делает. Не то чтобы ей так хотелось, чтобы мальчик не расставался со своей мечтой. Главное чтобы не замёрз, конечно...

– Ой, смотри! – воскликнула мама, указывая на неё.

Мальчик протянул руку в пёстрой вязаной рукавичке, и снежинка мягко спланировала прямо ему на ладонь.

– Да, снежинка! – последний раз шмыгнув носом, прошептал мальчик. – Вот!

Несколько мгновений снежинка лежала на влажной вязаной рукавице, и чувствовала, что делает что-то очень важное. А потом заметила, что её прекрасные лапки начинают исчезать. Она быстро таяла, и вновь превращалась в каплю воды.

– Ну ладно, пойдём домой! – услышала она, и уже почти не почувствовала, как мальчик взмахнул рукой, стряхивая её вниз, как приближается мёрзлая земля, как её водяное тело вновь превращается в холодный лёд.

Она упала в чей-то след на снегу и потеряла сознание.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЕЙ ТУШАТ ПОЖАР

Все знают, что в северных странах вода зимою спит. Спят сугробы, спит лёд на реке. Даже в городе, на дорогах и площадях, где воду стараются разбудить, посыпая лёд крупной серой солью, чтобы он растаял, вода почти не просыпается. Она как будто не в себе, она становится грязной и мутной, и весной ей нужно много времени, чтобы привести себя в порядок.

Наша капля очнулась от долгого зимнего обморока среди других грязных и пыльных капель, которые молча и неохотно соединялись на льду в маленькие лужицы. Лужиц становилось все больше, и вот уже они собрались вместе, чтобы куда-то потечь под лучами весеннего солнца.

По дороге капли прихватывали с собой на память о долгой зиме все что могли: горелые спички, бумажки, прошлогодние ёлочные иглы (наша капля сразу вспомнила о зимних приключениях и оглянулась, но ёлки на площади не было – наверное, её давно куда-то увезли и распилили на дрова). Наконец, медленные потоки слились в быстрый ручеёк, который стремительно поволок капли и весь собранный ими мусор куда-то вдаль, через площадь.

– Куда мы бежим? – спросила капля.

– Куда-куда... – прожурчал-проворчал ручей. – Как обычно, в канализацию.

– А что такое...

– Ух! – крикнул ручей, и, добежав до железной решётки, обрушился вместе с каплей вниз. Несколько кувырков через голову в темноте, и капля упала в подземный поток, который тащил вместе с мусором и обрывками бумаги миллионы таких же как она, одуревших от скорости течения капель. Среди них попадались совсем грязные, бурого или жёлтого цвета.

– Ты откуда, подруга? – спросила одна из них.

– Ну, я была на новогодней ёлке снежинкой, а потом упала на ладонь, а потом с ручейком попала сюда...

– Фу-ты, ну-ты, какая романтичная! – зафыркала коричневая капля.

– А ты откуда?

– Ой, лучше не спрашивай. Ну ничего, скоро пройдем сквозь землю, почистимся!

– Как это, почиститься об землю? Земля же грязная!

– Вовсе нет. Скоро сама поймёшь.

Между тем течение потихоньку слабело, и скоро поток превратился в медленную подземную реку, которая никуда не спешила. Капли, одна за одной, прижимались к её берегам, и куда-то исчезали, будто их втягивало в невидимые пещеры. Это были поры земляных берегов, сквозь которые

просачивается вода. Капля вдруг вспомнила, с какой жадностью смотрели в небо распаханые поля, когда она летела над ними в облаке. А теперь земля была совсем близко, и она все так же хотела пить, она втягивала в себя воду миллиардами невидимых ртов!

Но капля даже не успела толком испугаться, как одна из земляных пещерок всосала её в себя. Она была такая узкая, что капля с трудом протискивалась сквозь неё, обтирая боками шершавые стенки. Потом вдруг пещера кончилась, и за ней открылось бесконечное пространство с маленькими и большими неровными камнями, между которыми капле предстояло просочиться.

– Что это?! – ошеломлённо спросила она.

– Это песок! Песчинки! Давай, не бойся, сквозь него приятно течь! – воскликнула другая капля, скрываясь из виду в лабиринте между камнями.

Камушки сверху и снизу, слева и справа! И под ногами, и над головой! Ничего себе приключение.

Но, протискиваясь между песчинками, капля вдруг поняла, что значит почиститься об землю. Едва попав в песчаный лабиринт, она ощущала, как неровные пористые камни будто щётки счищают с неё всю грязь, вбирают в себя неприятные запахи. Не прошло и нескольких часов, и она стала абсолютно чистой, такой же как в первый день, когда попала в облако.

Однако песчаный лабиринт все не кончался. Капля текла

через него день за днём, ночь за ночью (хотя под землёй, конечно, совсем не важно, день или ночь), и уже почти забыла, как выглядит солнце и свет. Её небом теперь был толстый слой глины, нависавший над песчаным лабиринтом. И такой же непроходимый слой глины был внизу. Только между ними можно было двигаться, и, огибая песчинки, течь куда-то вдаль.

– Это водоносный слой! – объяснила однажды капле её попутчица. – Мы можем течь по нему тысячи километров, как по подземной реке. Но потом мы куда-нибудь доберёмся, может в обычную реку, а может и в море...

Капля уже не верила, что когда-нибудь выберется из темноты, но все-таки послушно текла вместе со всеми, не теряя надежды. И вот в один прекрасный день (и это определённо был день, а не ночь!) она заметила, что грани мелких камушков начали почти незаметно светиться. Свет становился все ярче, и вдруг песчинки будто подхватило вихрем, они разбежались во все стороны, и капля выплыла в роскошный круглый зал, освещённый слабыми лучами дневного света.

Вокруг стояла торжественная тишина.

Это было очень загадочное место: отвесные стены, уходившие куда-то бесконечно далеко вниз, романтично задекорированы водорослями, а наверху сияло аккуратное круглое белое пятно, бросавшее блики света на зеркальную поверхность воды.

– Где я? – спросила капля, и ей показалось, что все капли

вокруг повторили вопрос: «Где я, где я...»

Круг воды шевельнулся, и по нему пробежала почти невидимая рябь.

– Колодец. Очень старый. И очень чистый, – тихо сказал чей-то голос.

– Колодец?

– Колодец, колодец... – откликнулось эхо.

– Тут нужно разговаривать в пол-голоса! – прошептала ближайшая к ней капля. – Иначе со стен упадёт какая-нибудь пылинка, и испортит воду.

– А её пьют люди?

– Её давно никто не пьёт. Это заброшенный колодец. Я даже не помню, когда в него последний раз опускали ведро.

– Зачем же вы бережёте его чистоту?

– Разве ты не понимаешь? Это ведь чистота. Её надо беречь. И хорошо, что люди о нас забыли. Варвары! Они только мутят воду.

– А можно вы немного подвинетесь, и я поднимусь туда, наверх, к свету? Я так соскучилась по свету! – жалобно прошептала капля.

– Что за глупости? Даже не думай. Поднимешься к поверхности, и испаришься! Фьють! Поминай как звали.

– Где-то я это уже слышала, – подумала капля. – Наверное они тут совсем не желают ничего менять в своей жизни, как глубокие донные воды.

Она хотела возразить соседке, объяснив, что испариться

и путешествовать – это совсем не страшно, как вдруг в колодце раздался неприятный вибрирующий звук. Он нарастал и нарастал, так что вода начала ходить ходуном, и на поверхности образовались стоячие волны. Потом звук внезапно прекратился, но круг света заслонила чья-то тень.

– Люди! – прошептала соседка, и быстро потекла на дно колодца, увлекая за собой нашу каплю. Но было поздно. Мимо них пролетело огромное ребристое серое тело, похожее на змею, и вода в колодце будто сошла с ума, закружилась и завертелась, всасываемая исполинской силой в горло этой змеи. С такой скоростью капля ещё никогда не плавала. Она ахнуть не успела, как взлетела куда-то наверх, и попала в тёмную железную тюрьму, от стен которой пахло машинным маслом.

Взревел мотор, и вертикальное движение сменилось горизонтальным – воду куда-то везли. Причём везли очень быстро, так что каплю швыряло во все стороны. А ещё над головой раздавался пронзительный звук, хуже которого капля ничего не слышала, будто кто-то мучает тысячу кошек, наступая им на хвосты.

Десять минут езды по ухабам, железный скрип тормозов – и такой же вихрь, какой вырвал каплю из глубины колодца, подхватил её и понёс внутри гофрированной змеи.

Это было стремительное движение, но капля успела заметить, что голова змеи на этот раз сужается, и скорость движения воды стала просто сумасшедшей. А в следующую до-

лю мгновения произошло очень много событий, которые она запомнила на всю жизнь.

Сначала она увидела свет, и этот свет был багрово-красным.

Потом невидимая сила бросила её к этому свету.

Подлетая все ближе, капля разглядела, что летит в пламя бушующего пожара. И тут она поняла все. Пожарные, которые тушили водой из колодца горящий дом, направили её прямо в окно, где уже полыхали занавески. А за занавесками плакала маленькая девочка, которую огонь отрезал от выхода.

– Вот тебе, проклятый огонь! – успела подумать капля, и вместе с другими каплями ударила в кровавые языки пламени.

Это было больно, очень больно. Огонь обжёг её и мгновенно превратил в пар. Но в следующую секунду, уже поднимаясь к небу лёгким облачком, капля успела увидеть, как огонь зашипел и исчез, выплёвывая с досады в окна клубы чёрного дыма, а самый смелый из пожарных запрыгнул в окно и вынес девочку из огня.

Капля летела в небо, и хотя её воздушное тело хранило боль от прикосновения к пламени, на душе было радостно и легко.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ГРОЗА

Если тебя обожгло огнём, ты уже никогда не будешь прежней, даже если ты капля воды.

– Теперь я знаю, – думала капля – что жизнь бывает медленной и быстрой. Можно долго-долго ждать приключений, а когда они вдруг начнутся, ты и «ах!» не успеешь сказать. А можно беречь свой покой, как те капли в колодце, а все равно придёт кто-нибудь и потушит тобой пожар. Никогда не знаешь, какая сила начнёт тобой управлять...

– Привет! Ты с земли, с пожара? – окликнула её нижняя капля из облака, к которому она летела.

– Да! Кажется, огонь потушили, и спасли маленькую девочку!

– Вот и хорошо! Мы тут хотели пойти дождём, все кто может бросились вниз, да только ничего не получается...

И правда, по облаку было видно, что капли старались. Оно было насквозь пронизано белыми дорожками, следами их движения. Брюхо у облака стало почти фиолетовым от едва сдерживаемого дождя, но оно почему-то терпело и не спешило проливаться на землю.

– А чем это у вас тут пахнет? – с тревогой спросила капля.

Действительно, облако издавало странный запах. Не то чтобы неприятный, скорее даже наоборот. В этом запахе бы-

ла бодрость, как в чашке утреннего кофе. Нет, как в тысяче утренних чашек кофе! А это, пожалуй, уже немного чересчур...

– О, боже! – воскликнула капля с нижнего края облака. – И правда! Эй, ребята! Не двигайтесь! Мы, кажется...

Но было уже поздно.

В глубине облака ярко вспыхнула молния, и раздался оглушительный удар.

– Что это?

– Гроза, гроза! Спасайся кто может!

Капли одна за другой в отчаянии начали выпрыгивать из облака, сливаясь в такие плотные ливневые потоки воды, что им позавидовал бы любой пожарный брандспойт. Все спешили улететь подальше от молнии. Ведь самый страшный враг воды – не огонь, а электричество. Огонь, конечно, может напугать, обжечь, превратить в пар. Но из пара капля возрождается. А вот электричество уничтожает капли насовсем, разрывая на два газа – кислород и водород. Кислород вдохнёт какая-нибудь собака или лягушка, а лёгкий водород умчится наверх, к границам земной атмосферы. И все, докапалась.

А нашу каплю как раз несло восходящим потоком наверх, навстречу молниям. По её воздушному телу плясали злые голубые огоньки, и сама она чувствовала себя очень странно – как будто в неё вселилась какая-то безумная сила. Капли, летевшие сверху вниз, в ужасе шарахались в стороны.

Так продолжалось несколько долгих секунд, и вдруг облако кончилось. Капля выскочила из него как пробка из воды, и со всех сторон её омыл ослепительный солнечный свет. Повисев над облаком всего мгновение, она плавно опустилась на его верхний, светлый край, где с комфортом расположились другие капли в белоснежных водяных рубашках. Но едва она приблизилась к ним, капли бросились врассыпную.

– Стой! Не приближайся! «Минус» или «плюс»? – закричала одна из них.

– Что? – не поняла капля.

– Заряд у тебя какой? Положительный или отрицательный?

– Я не знаю...

– А... Кажется, положительный. У нас тоже. Ну ладно, значит ты нам не страшна. А то, знаешь, прилетают сюда всякие...

– А что значит «заряд»?

– Это электричество! Из-за зарядов у нас и началась гроза. Одни капли бегут по облаку вниз, другие наверх, и от этого, как в динамо-машине, получается электричество. Они заряжаются. На одни налипают положительный заряд, на другие отрицательный. А потом они встречаются, и – бабах! Молния, гром. Поэтому не надо суетиться. Лежи себе спокойно, и никакой грозы не будет. Но нас же никто не слушает!

Ворчливая капля, похоже, собиралась прочитать длинную нотацию по поводу суетливых капель, из-за которых возни-

кают все проблемы (и наша капля невольно вспомнила и донные воды, и стоячие воды в колодце, которые тоже вот так ворчали на неё), как вдруг соседка осеклась и в ужасе замолчала. Капля обернулась, чтобы посмотреть, что случилось, и похолодела.

Откуда-то из фиолетовой тьмы снизу к ним стремительно приближался огненный шар. Он подлетел совсем близко и с жужжанием завис в неподвижном воздухе.

– Тихо! Не шевелись! – приказала соседка.

Шар секунду повисел совсем рядом с ними, источая тот самый резкий и бодрый запах, который капля заметила подлетая к облаку. Он был похож на маленькое солнце, но весь покрыт страшными, будто бы живыми прожилками и выпуклостями, похожими на перекатывающиеся мускулы, словно там, внутри, шла отчаянная борьба невидимых огненных борцов. Прошло ещё мгновение – и шар вдруг сорвался с места и стремительно полетел к земле. Через секунду внизу раздался взрыв, и все затихло.

– Ух! Пронесло...

– Что это было? – спросила капля.

– Шаровая молния. Самая страшная молния на свете. Она может проглотить тебя в мгновение ока.

– А откуда она берётся?

– Никто точно не знает. Говорят, это призраки погибших в грозе капель.

– Как страшно! – прошептала капля.

– Да. Но когда появляется шаровая молния, значит гроза закончилась. Все, можно расслабиться! Давай посмотрим, что там, на земле?

Они подлетели к краю облака и посмотрели вниз.

Внизу уже расстилался бесконечный лес. Он весь дымился туманом от только что прошедшей грозы, и было видно, как миллионы капель, отсидевшись на земле и на листьях деревьев, распускают свои паровые рубашечки и направляются обратно в небо, к облаку.

Но над лесом поднимался не только водяной пар. В нескольких местах клубилось что-то чёрное, и сквозь ветки были видны языки огня.

– Пожары! Это молнии подожгли лес! – догадалась капля. – Эх, мы! Хотели потушить один пожар, а устроили ещё десять! – с горечью думала она. – Ну почему так получается?

Пожары внизу разгорались все сильнее, а запасы дождя в облаке давно иссякли, и других дождевых туч не наблюдалось до самого горизонта. Над лесом метались встревоженные птицы, а лесное зверье – белки, зайцы, лоси и кабаны – в панике бежало прочь, ломая подлесок.

– Хорошо хоть ветер нас отнёс от города, а то бы молнии дома подожгли! – воскликнула капля.

– Это вряд ли, – ответила соседка. – Дома обычно молний не боятся, на них люди ставят железные громоотводы, чтобы молния по ним уходила прямо в землю. Люди вообще не боятся электричества, они его приручили. Электричество

им дома освещает и поезда возит, и в разной технике тоже живёт...

– И шаровой молнии они не боятся?

– Шаровой молнии боятся все! – назидательно сказала ворчливая капля. – Как бы ни были умны люди, со стихией им не совладать!

И тут, словно чтобы ей возразить, с неба раздался басовитый гул. Огромный серебристый самолёт облетел облако и направился вниз, к горящему лесу, прижимаясь почти к макушкам деревьев. В фюзеляже открылся люк, и точно на пламя обрушились потоки воды. Минута – и с лесным пожаром было покончено. Сделав ещё круг, чтобы убедиться, что где-нибудь не прячется тлеющая головёшка, самолёт качнул крылом и улетел прочь.

– Вот это да! – восхитилась капля. – Все-таки люди молодцы! Они опять победили огонь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, В КОТОРОЙ РАЗНЫЕ КАПЛИ ДЕЛЯТСЯ ДУШЕРАЗДИРАЮЩИМИ ИСТОРИЯМИ

И снова наступили медленные дни.

Ветер неспешно гнал облако на восток, и теперь, после грозы, оно стало белым и пушистым – кучевым. Все капли в нем вели себя просто образцово. Они старались двигаться плавно, не делать резких движений, разве что иногда, особенно на закате, изображали в небе облачные картинки – воздушные замки, летучих рыб, бородатых богатырей. Но смотреть на эти картинки было особенно не кому – внизу, день за днём, на многие сотни километров расстилался непроходимый лес без поселков и городов. Тайга.

От нечего делать маленькие небесные странники развлекались разговорами. Ведь у каждой капли в облаке накопилось множество интересных воспоминаний, и теперь, во время долгого воздушного путешествия, они были не прочь поделиться своими историями.

– Давайте рассказывать, кто как выпадал из круговорота воды! – предложила одна из капель, удобно расположившись

на пушистом гребне облака.

– А что такое круговорот? – спросила наша капля.

– Круговорот воды в природе! Как же ты не знаешь? Ты что, новенькая?

– Ну, можно сказать и так...

– Ладно, если в двух словах, это наша дорога. Дорога каждой капли из океана и обратно. Каждая капля проходит её много-много раз. И сейчас мы как раз в середине такого круговорота. Может быть, мы упадём в реки, и они вынесут нас к морю, а там и в океан. Или попадём в землю, протечём с грунтовыми водами до реки, и тоже отправимся к морю. А потом снова испаримся, попадём в облако, и так далее...

– Понятно! Но ведь можно же попасть в какой-нибудь колодец, и застрять там надолго?

– Вот-вот! Ты уже была в колодце?

– Была, но совсем чуть-чуть, мною потушили пожар, и я попала к вам, сюда...

– Понятно. Но есть капли, которые не были в океане сотни лет. Есть здесь такие?

– Есть! Есть! – раздались крики из разных концов облака.

– Тогда расскажите нам свои истории.

Дважды предлагать не пришлось. Всем не терпелось рассказать о своих злоключениях.

– Я капля-каменщица, – начала первая капля. Мы, рабочие капли из пещер, вообще не стремимся в океан. У нас другие заботы. Мы точим камень. Для этого нужно быть

очень терпеливой и целеустремлённой. Вы, наверное, знаете поговорку: «Капля точит камень не силой, а частотой падений», так вот это – про меня! Обычно в пещеру вода просачивается сверху, вместе с дождями, и я так в первый раз попала туда много столетий назад.

В большинстве пещер капли не задерживаются надолго: кап! – и вливаются в ручеёк, который бежит к выходу. Но у меня была особая пещера: внизу тепло, а потолок почти всегда холодный. Лужицы на полу испарялись, я вместе с другими каплями поднималась вверх, оседала на холодном потолке, и снова капала вниз. И так тысячи раз! Именно поэтому нам удалось создать в нашей пещере настоящий шедевр. Мы вытачивали в каменном полу красивые глубокие чаши, мы снимали с потолка серебристые кристаллики соли и перетаскивали их на свисающие почти до самого пола сталактиты, длинные белые каменные колонны, растущие столетие за столетием. Боже, как это было красиво! Мы построили настоящий дворец. Жаль только, что в пещеру не проникал солнечный свет, и некому было увидеть всю эту красоту.

Но однажды туда пришли люди – и все изменилось. Сначала они светили повсюду своими фонариками, восхищались нашей работой и ахали от удивления. Мы были очень горды, что кто-то наконец оценил наш труд. Но потом людей стало больше, и они начали обустривать все по-своему. Нарубили в полу ступеней, повесили фонари, расширили вход в пещеру. Поставили какой-то киоск, чтобы брать деньги с за-

езжих туристов. Каждый день поток галдящих любопытных людей все увеличивался. Они сверкали вспышками фотоаппаратов, нагревали воздух своим горячим дыханием, а от их хохота содрогались стены. И вскоре вся наша работа пошла коту под хвост: сталактиты начали трескаться и падать, каменные чаши пересохли, а потолок стал слишком тёплым, чтобы охлаждать пар. Нам больше не было места в нашем уютном мире, люди выгнали нас из пещеры и разрушили наш дворец. Вот так я оказалась здесь.

– Какая печальная история! – хором воскликнули другие капли. – Тысячи лет работы, и все напрасно!

– Да, люди бывают очень жестоки, хотя не ведают, что творят, – со вздохом сказала одна из капель. – Мы для них просто вода. Они даже не задумываются, что сами по большей части состоят из воды...

– В человеке девяносто процентов воды! – вставила своё слово одна маленькая капля.

– Ха-ха! Ну нет, не девяносто. Девяносто – это в арбузе. Даже в самом толстом, как арбуз, человеку – всего лишь шестьдесят процентов воды, но это тоже очень много.

– А меня однажды человек выпил! А потом вспотел, и я из него убежала!

– А меня вскипятили в чайнике!

– А меня залили в паровоз! И я делала ту-ту! А потом вот так – ууууу! И вылетела из гудка!

– Ладно, ладно! Хватит о людях! – остановила общий

гвалт капля с гребня облака. – Кто ещё выпадал из круговорота воды надолго?

– Я выпадала, – призналась одна из капель, висевшая на краю облака. – Правда, тоже не без помощи людей. Меня поймали и на пятьсот лет посадили в клепсидру. Это такие водяные часы, в которых надо капать из одной колбочки в другую. А потом их переворачивают – и капаешь обратно, отсчитывая секунды. Боже, какая это была скучная работа! С ума можно сойти.

– Да, работа – это скучно! – хором закричали другие капли.

– И вовсе нет! – с возмущением воскликнула капля из пещеры. – Если знаешь к чему стремишься, работать очень весело. Вот я точила камень...

– Я тоже сначала хотела проточить стекло клепсидры, – вздохнула рассказчица. – Но оно было очень крепким. Через сто лет я смирилась, и даже помутнела от горя. Клепсидру переворачивали и переворачивали, год за годом, век за веком, так что я уже запуталась, где верх, где низ. Люди и правда бывают так жестоки...

– Люди сами ходят на работу и страдают! – философски заметила одна из капель.

– Не все. Дети не ходят.

– Дети ходят в школу и в детский сад, это тоже работа!

– И вовсе нет! Они даже в школе и в детском саду умеют веселиться. Не хуже чем мы! Дети прыгают под дождём и по

лужам. Они не похожи на взрослых людей, они вертятся как капли...

– Тихо! Не перебивайте! – снова остановила всех капля на гребне облака. – Так что же было дальше? Как ты выбралась из этой, как его... Клепсидры?

– Удивительное дело, – улыбнулась капля из водяных часов, – но именно дети мне и помогли. Вернее, один шаловливый мальчик. Он пробежал мимо, и случайно задел стол, на котором стояла моя стеклянная тюрьма. Она упала, и стекло разбилось. Пришла уборщица, и вытерла разлившуюся воду грязной половой тряпкой...

– Фу! – поморщились многие капли.

– Может быть и «фу», но после пятисот лет заточения в стерильном стекле, где не было вообще никаких запахов, половая тряпка показалась мне букетом сирени! – стыдливо призналась капля из клепсидры. – Ну а потом тряпку высушили, и я поднялась в облако, очистившись от всех земных запахов...

– А мальчику, наверное, влетело, – озабоченно заметила её соседка.

– Наверняка. Но, надеюсь, его наказали не слишком сильно.

– Итак, – подвела итог капля, летевшая на пушистом гребне облака, – ты провела в заточении пять веков. Ты измеряла время. И как считаешь, пять веков – это много или мало?

– Не знаю, – ответила капля из клепсидры. – Когда ты за-

точена в стекле, пять веков – огромный срок. Протискиваясь в узкий перешеек между двумя колбочками, ощущаешь, как идёт время. Но когда вырываешься на свободу, «пять сотен лет» – это просто слова. Я думаю, время идёт лишь для тех, кто в темнице. Для тех, кто свободен, времени не существует.

Услышав эти слова, все капли замолчали и задумались.

– Хорошо, что природа создала воду свободной, – сказала через минуту одна из капель. – Мы умеем всюду просачиваться, перетекать, превращаться в пар. Бутыли, в которых нас хранят, разбиваются, стальные цистерны ржавеют и превращаются в прах. Из любой тюрьмы на земле вода способна устроить побег. Разве существует в мире сила, способная удержать нас на месте чересчур надолго?

– Да, – раздался тихий голос с нижнего края облака. – Такая сила есть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, ПРО ВЕЧНОЕ ЗАТОЧЕНИЕ ВОДЫ. НУ, ПОЧТИ ВЕЧНОЕ

– Меня не было в круговороте пятьдесят миллионов лет, и я прекрасно помню существ, которых вы теперь называете динозаврами, потому что видела их как будто вчера, – начала свой рассказ капля с нижнего края облака. При этих словах время будто остановилось. Кажется, и ветер стих – такая тишина наступила вокруг.

– В те времена и земля, и вода были совсем другими. Гораздо теплее и приветливей. И быстрее. Нынешний круговорот воды, когда вы годами возвращаетесь в океан, идёт просто с черепашьей скоростью, уж поверьте. Тогда все было иначе. Не успеешь добраться до моря, и бах! – ты уже снова в туче, а её несёт к суше ураганом. А потом – гроза и ливень. Ну и грозы в те времена были – не чета нынешним! Одной молнией могло испепелить целый лес. Шаровые молнии носились как птицы, только вот птиц тогда ещё не было, зато в воздухе висели гигантские стрекозы и другие летающие насекомые, по сравнению с которыми нынешние птицы кажутся мелкими мошками.

Упав из облака с дождями, мы, капли, попадали в бур-

ные потоки, и неслись с головокружительной скоростью. Даже маленькие ручьи в те времена были полноводны, как нынешние реки. А про реки нечего и говорить – таких широких и могучих рек на нынешней земле просто нет. И мы возвращались по ним, дорогой перемалывая своим движением каменные горы, протачивая в них ущелья, превращая камни в песок. Мы, – привет тебе, капля-каменщик из пещеры! – не строили замки в уголках подземелий, мы создавали целый мир.

Некоторые из нас, кто был посмелее, звали меня на Север. Там назревало что-то серьёзное. Они рассказывали про могучие ледники, которые скоро сойдут с места, будут ворочать и обкатывать камни. Вот это было бы действительно круто! Мы были романтичны, мы мечтали о великих переменах.

И я согласилась.

Мы поднялись в облако, которое летело на Север.

Сначала все шло хорошо, и наш воздушный корабль стремительно мчался в холодные широты. Мы пробирались к нижнему краю облака, готовясь при виде ледника превратиться в снежинки и десантироваться на самый его край. Но наступил вечер, а ледник все не появлялся. В темноте трудно было разобрать, что там внизу – а падать в холодное море или на землю никто из нас не хотел. Оставалось лишь ждать и надеяться на удачу. И когда на горизонте появилась тонкая полоска рассвета, мы увидели внизу бесконечное поле льда. Мы и представить не могли, насколько далеко ветер унёс нас

от края ледника, но размышлять об этом было поздно – и одна за другой мы прыгнули вниз.

Это был мой последний полет на миллионы лет, и я прекрасно помню, как торжественно и плавно единым снегопадом мы падали на ледяное поле. Мы чувствовали себя исполинской силой, от которой зависит все в этом мире. Так и было: миллиарды тонн воды способны сточить высокие горы, напоить многие гектары лесов, управлять морскими течениями... Вот только с холодом, который сковывал нас, мы ничего поделать не могли. Но мы были уверены, что это не надолго: пройдут месяцы или годы, и ледник содрогнется, двинется на сушу, а мы будем направлять и ускорять его движение, вгрызаясь в землю и гранит. Ради этого можно немного подождать в холодном плену.

Потому я не слишком беспокоилась, когда упала на лёд, а сверху продолжали сыпаться другие снежинки, вдавливая меня все глубже в тело ледяного поля. День за днём, год за годом толщина льда все росла и росла. Метр, три метра, сто, двести... Я оказалась в самом сердце гигантской ледяной глыбы, и эта глыба оставалась неподвижной. Где-то там, далеко на Юге, ледники совершали набег на континент, превращали скалы в глину, обкатывали огромные камни. Но наше ледяное поле за миллионы лет даже не шелохнулось. Мы десантировались слишком далеко, в царство вечного льда.

Признаться, когда я наконец поняла это, меня охватило отчаяние. Вечная ледяная тюрьма – что может быть страш-

нее? Но лёд сдавливал меня со всех сторон, погружая в болезненное забытье, и отчаяние ушло. Осталось только равнодушие и бессилие. Даже в короткое полярное лето солнечный свет не доходил до меня, и я спала без снов, став маленьким бездушным кристаллом льда.

Но однажды все вдруг изменилось. Сначала я услышала звук. Чудовищный скрежет. Кусок ледника, моя тюрьма, откололся от ледяного поля и закачался на воде. Он стал айсбергом. Течение нежно подхватило его и понесло в южные моря.

Даже сквозь сотни метров льда я ощущала тепло океана. Я чувствовала его запах, его волны, я слышала тысячи незнакомых звуков. Это были голоса китов и касаток, шум корабельных винтов, гудки. Тепло подбиралось все ближе, айсберг дрейфовал в тёплых экваториальных водах, и каждую ночь моя тюрьма содрогалась: куски льда отваливались и растворялись в пучине. Свобода была все ближе. Наконец настал день, когда с грохотом упала стена льда, и меня растопил яркий солнечный свет. Над айсбергом летали незнакомые мне существа – птицы, наполняя воздух громким клёкотом. Это был самый счастливый миг в моей жизни. И я взлетела туда, к птицам, превратившись в нитку пара и даже не успев сказать «привет!» родному океану. Мне хотелось путешествовать, смотреть, пить своим зрением этот новый и незнакомый мир, хотя слово «пить» для капли кажется смешным. Но мне не хочется больше ничего менять на нашей планете. Я

путешествую с вами – и наслаждаюсь всем, что вижу в пути.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. МЕЛКОЕ ХУЛИГАНСТВО В ДОЛИНЕ ГЕЙЗЕРОВ

Если облако висит неподвижно и не меняет свою форму, значит кто-то рассказывает в нем захватывающую историю.

Облако в котором летела наша капля замерло, будто было нарисовано в небе. Капли-путешественницы настолько увлеклись рассказом доисторической капли, что неподвижно висели в воздухе, как какой-нибудь морозный туман в безветренный день. А между тем внизу, на земле, определённо что-то происходило.

Там расстился новый ландшафт. На горизонте виднелись дымящиеся сопки, а прямо под облаком лежало необычайно красивое разноцветное болото, усеянное маленькими озёрами и островками с чахлыми деревцами. Во многих местах из болота вырывались струйки пара, отчего казалось, что земля в этом месте дышит, как какое-то огромное животное.

– Ну что же. Вот очень знакомый пейзаж! – заявила вдруг доисторическая капля. – Когда-то многие места на земле были такими. Здесь ещё живы вулканы, и раскалённая магма рвётся на поверхность...

– Теперь такое место на планете всего одно, – заметила капля, летевшая на гребне облака. – Это Камчатка. Долина гейзеров. Они извергают пар и горячую воду. Одни раз в час, другие каждые несколько минут. Некоторые очень сильные, достают почти до неба...

Как раз при этих словах внизу послышался страшный шипящий шум, а потом вверх выстрелило что-то белое, как из пушки. Заряд стремительно приближался к облаку, и, едва долетев до него, распался на тысячи мелких капель, которые бесцеремонно ворвались в туманную пелену.

– Мы камчадалы! Прямо из лавы! – подвывали новоявленные капли. – Ох нас там давит!

– Какие-то сумасшедшие! – возмущались те, на кого налетали разгорячённые камчадалы. – Мечутся как ошпаренные...

– Мы и есть ошпаренные! – переведя дыхание, быстро стала объяснять одна из прилетевших снизу капель. – Мы из гейзера! Знаете что такое? Это тоннель к центру земли! Ну, может, не к центру, а просто до горячих пород. Тут ведь что? Тут Камчатка! Зона вулканической активности! Все горячо, на камнях можно яичницу жарить, хи-хи!

При этих словах другие капли, прилетевшие из гейзера, тоже захихикали каким-то нервным смехом.

– А что вы там делали, в гейзере?

– Ну, мы туда... Затекли! У-хах-ха-ха-ха!

– А потом?

– А потом... Потом нас там так распёрло! О! Хи-хи... Не могу!

Добиться толку от гейзерных капель не было никакой возможности. Только минут через пять они начали потихоньку успокаиваться. Но едва в облаке наладился хоть какой-то порядок, как снизу раздалось угрожающее шипение, и новая порция обезумевших капель ворвалась в него снизу. Так продолжалось несколько часов, пока не подул ветерок.

– Ну и денёк сегодня! – думала наша капля, когда облако наконец миновало Камчатку и медленно полетело куда-то на юг. – Прямо экскурс в историю земли! Но, похоже, в старину капли были куда серьёзней, романтичней и целеустремлённей. А нынешним только бы развлекаться. Или нет? Просто у нас нет великих целей, великих дел? Ведь на земле уже все устроено...

– Эй, подруга, не грусти! – словно прочитав её мысли, крикнула соседка. – Смотри лучше, как крепчает ветер!

И правда, облако летело все быстрее и быстрее.

– Кажется, мы поймали циклон!

– А что это значит?

– Это значит, что мы летим в жаркие страны, к тёплому океану! И прольёмся там тропическим дождём. Ох, как же я это люблю! А ещё мы сможем напоить тропические леса, которым давно надо принести воды. Ты, наверное, не знаешь, что тропические леса – это лёгкие планеты! Без них в атмосфере земли не было бы кислорода, а без кислорода тут

все задохнётся. Только мы можем спасти ситуацию, так что
– вперёд!

– Ну вот и великая цель! – с облегчением подумала капля.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЯ БЕЖИТ ПО СТЕКЛУ И СВОДИТ НОВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЛЮДЬМИ

Но долететь до тропических лесов облаку было не просто. Ветер гнал его по небу всю ночь, а на утро капли увидели, что оно присоединилось к бесконечному каравану таких же облаков, летящих над океаном. Это было величественное зрелище: здесь собрались и дождевые, и кучевые, и даже грозные облака, демонстративно мигавшие неслышными молниями зарниц. В небе плыло целое море воды, и если бы оно в мгновение ока пролилось вниз, то могло бы затопить целые страны.

Правда, внизу никаких стран не было, а были только редкие острова и корабли, качавшиеся на высоких волнах – похоже, ветер, гнавший облака по небу, задавал им там внизу хорошую трёпку. Но к концу дня, налюбовавшись облачными пейзажами, наша капля вдруг осознала, что, кажется, ветер ходит по кругу. Облако вместе с другими облаками и тучами мчалось сперва на Юг, потом на Запад, потом на Север, и к вечеру опять повернуло на Восток. Это был циклон –

огромный вихрь, кружащийся над океаном и раскинувшийся на тысячи километров. Некоторые облака не выдерживали такого вращения, как в центрифуге исполинской стиральной машины, и начинали потихоньку «отжиматься», проливаясь дождями в море.

– Ой, что-то меня укачивает! – с ужасом подумала вслух капля на второй день, когда запад и восток снова поменялись местами.

– Держись, подруга! До континента, кажется, уже не далеко! – подбадривала её соседка.

Но какое там! Циклон все кружил и кружил, а никаких признаков большой земли внизу не появлялось. Капля все-рьёз подумывала, не упасть ли ей в океан. В океане, особенно на глубине, так спокойно, хорошо... Родные донные воды, которые никуда не спешат...

– Э, нет! – сказала капля самой себе. – Уж если ты отправилась в круговорот воды – давай, делай своё дело! Деревья ждут твоей влаги! Да к тому же, ты ведь никогда не была внутри дерева, а это наверное очень интересно. Так что давай, терпи!

Терпеть пришлось ещё два головокружительных дня, и только на третий циклон начал задевать краем береговую линию. Сверху было прекрасно видно, как мощный ветер мнёт и лохматит шевелюры прибрежных пальм и бросает на берег высокие пенистые волны. Облако стремительно летело вглубь континента, и все сильнее прижималось к земле. Те-

перь внизу были джунгли – настоящий зелёный океан. Переплетённые лианами деревья стояли вплотную друг к другу, и что там под ними, можно было только воображать.

– Наверное, зверьки какие-то. И змеи, – думала капля. – Ну ладно, мне с ними встречаться не обязательно. Дам напиться какому-нибудь дереву, заберусь по нему изнутри повыше, к самым верхним веткам. А там и до неба не далеко. А дальше...

Но что будет дальше, капля так и не успела придумать, потому что в этот момент облако решило пролиться тропическим ливнем. Как будто кто-то развязал верёвочку, стягивавшую его пуповину – все капли вместе бросились вниз. И сразу выяснилось, что под деревьями гораздо больше жизни, чем кажется сверху. Там обнаружили крошечные домики – затерянная в джунглях лесная деревня.

Да не такая уж и затерянная!

К деревне через лес вела просёлочная дорога, а у некоторых домов стояли маленькие трактора, скутеры и трёхколёсные мотороллеры – тук-туки, как их называют в этих местах.

И все равно капля до сих пор никогда не видела столь небогатой жизни. Глинобитные хижины с бамбуковыми каркасами, покрытые пальмовыми листьями, были здесь единственным видом жилья. По деревне ходили коровы, пожёвывающие какие-то зелёные ошмётки. А люди, поспешно прятавшиеся от дождя, были одеты в одинаковые выгоревшие на солнце одежды. Правда, все они громко смеялись и весело

размахивали руками.

Все это капля увидела в мгновение ока, пока приближалась к земле. Но ветер нёс её чуть наискосок, и вместо того, чтобы впитаться в пыльную землю, а там уже искать корни какого-нибудь дерева, она упала прямо на хижину. Вернее, не прямо – а сбоку, на оконное стекло.

Это было самое обычное стекло в потемневшей деревянной рамке, и капля прилипла к нему почти в самой середине. Она оказалась одной из первых капель на стекле, но следом стали наскакивать другие, и скоро оно покрылось дождевым крапом.

Все знают, что стекло прозрачно как вода, но в нем нет жизни. Ведь стекла для того и придуманы, чтобы отделять одну жизнь от другой. Например, с одной стороны – уютная комната, а с другой – проливной дождь. И, хотя через стекло можно смотреть на мир, не выходя из комнаты, капли этому всегда мешают. Они делают стекло мутным и будто норовят вторгнуться в уютный дом, поэтому люди сразу закрывают занавески. Но иногда случается по-другому.

Почти сразу капля почувствовала, что за ней внимательно следит чей-то взгляд. Уже второй раз люди обращали на неё внимание, и снова это был ребёнок. Маленькая девочка лет шести. Она явно скучала там, за окном, и печально смотрела на дождливый мир.

И правда, если для тропического леса наступил праздник, то для детей в этой маленькой деревушке настали не лучшие

времена. Сезон дождей! Только и развлечений, что смотреть в окно на потоки воды.

Удивительно, что девочка обратила внимание на каплю. Она прижала к ней палец с той стороны стекла и провела им немножко в сторону, будто управляя маленькой частичкой воды, показывая, куда ей нужно течь. И капля начала послушно выписывать на стекле зигзаги. Когда девочка прижимала к ней палец, капля останавливалась, а когда убирала – снова начинала движение. Это была забавная игра, и на мгновение капле показалось, что они прекрасно понимают друг друга, ведут разговор без слов. В этом разговоре было немного грусти, немного шутки и тысячи взмахов ресниц – девочка специально зажмуривалась, чтобы не видеть куда потечёт капля, а потом снова находила её глазами и прижимала палец, чтобы капля остановилась...

Но окно не бесконечно, да и другие капли сливались по дороге с нашей капелькой, ускоряя её падение по гладкому стеклу. Им совсем не хотелось играть с девочкой, они спешили добраться до подоконника и капнуть вниз.

Со вздохом капля выписала на стекле последний лихой зигзаг, прощаясь с девочкой, которая за несколько секунд стала для неё почти близкой подругой. Махнула ей влажным хвостиком, и скатилась на подоконник, а с него решительно капнула на землю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. КОРОТКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ СО СВАРЛИВЫМИ ДРИАДАМИ

Капля думала, что добраться до деревьев ей теперь будет очень сложно, ведь лес начинался далеко за хижинкой. Но, оказывается, корни были тут как тут! Едва погрузившись в землю, она обнаружила немыслимое переплетение мелких и крупных корешков, живую сеть, ловившую воду на каждом сантиметре. И ахнуть не успела, как оказалась внутри одного из них.

Протискиваться сквозь корешок было совсем не трудно – он сам деловито тянул её по своим капиллярам, и, кажется, сладко причмокивал от удовольствия. Это было странное ощущение – чувствовать, что тебя выпило дерево.

– Интересно, у деревьев есть какие-нибудь правила поведения, когда они пьют и едят? – думала капля. – Например, не чавкать слишком громко? Или не толкаться корнями во время дождя?

Если такие правила существуют, следует признать, что тропический лес вёл себя абсолютно невоспитанно: корни, почувствовав влагу, копошились под землёй как щупальца бесконечного осьминога, переплетаясь и тихонько толкаясь

в погоне за каждой каплей, а сами деревья от корней до последнего листика издавали жадные вздохи. Потоки падавшей с неба воды лишь слегка заглушали этот шум древесного пиршества.

– Любопытно, на какой этаж дерева я уже поднимаюсь? – спросила сама себя капля, когда почувствовала, что горизонтальное движение сменилось вертикальным, будто её посадили в маленький лифт.

– Остановка первый сучок! – раздался прямо над ней чей-то скрипучий голос.

– Ой. Я не хочу в сучок.

– Никто не хочет. Вот почему это засохший сучок, – наставительно произнёс голос. – Но остановка все равно осталась. Ведь здесь была первая ветка! Теперь она там, на следующем этаже.

– А кто вы? – спросила капля.

– Дриада. Душа дерева.

– Я и не знала, что у деревьев есть душа...

– Ну да, конечно. Ты, состоящая из двух молекул водорода и одной кислорода, наверняка убеждена, что у тебя есть душа. А у дерева, стало быть, нет? Правда, люди тоже так думают. Они полагают что мы – просто топливо и строительный материал, потому убивают нас без всякого зазрения совести.

– Я очень вам сочувствую... – вежливо сказала капля.

– Сочувствием сыт не будешь, надо выпить! – грубовато оборвал её скрипучий голос дриады. – Давай, пошевеливай-

ся, наверх! Тебя ждут.

Древесный лифт снова включился.

– Мы едем в ветку? – на всякий случай спросила капля.

Ответом ей было сосредоточенное почавкивание. Только через минуту или две голос раздался вновь:

– Вторая ветка. Тебе сюда не надо.

– А если я все-таки выйду, на этой ветке? – расхрабрившись, спросила капля, которую уже начала раздражать дриада.

– Недопустимо! – воскликнул голос.

– Почему? Вот возьму и выйду! – и капля решительно направилась к маленьким почерневшим капиллярам, ведущим куда-то вбок.

– Остановись!

Но было поздно – капельку подхватила новая сила, нежно и решительно влекущая в деревянную темноту.

– Привет! – сказал ей оттуда другой, печальный голос. – Добро пожаловать в наше ветхое жилище!

– Это моя капля! – надрывался скрипучий голос сзади. – Это я её тащила от самых корней! Она мне нужна!

– Ну что поделать, эта капля сама выбрала свой путь.

– Ты старая и гнилая! Ты мокрая! На тебе уже плесень! Зачем тебе вода? Ты отяжелеешь и отвалишься!

– Ну и пусть. Мне тоже хочется попить напоследок дождевой воды.

– Как же так! – скрипучий голос почти ударился в плач. –

Я же мать! У меня там наверху только что родился свежий, нежный, маленький листочек! Первая капля дождя должна достаться ему!

– Да ладно, что ты суетишься? Он уже не почка. Дождь проливной – сам прекрасно напьётся!

– Тебе этого не понять! У тебя давно новых листьев нет!

– Какая разница? Все равно я эту каплю не могу вернуть, ты же знаешь, вода в дереве никогда не идёт назад. Так что отстань от меня, пожалуйста!

Раздалось ещё несколько скрипучих причитаний, и внутри ветки настала тишина.

– Кто ты? – спросила капля, ошеломлённая тем, что вокруг неё разгорелся такой нешуточный спор. – Ты тоже дриада? Душа дерева?

– Душа дерева? Ха-ха! – печально рассмеялся голос. – Это тебе верхняя ветка сказала? Не обращай внимания, у неё ма-ния величия. У дерева нет никакой своей души.

– А кто же тогда вы?

– Мы и правда дриады. Но только дриада – это совсем не душа дерева. Раньше нас называли древесными феями. Мы живём в ветвях, в листьях, даже в дупле или сучке. Мы жители дерева.

– Жители?

– Да, представь себе! Дерево (и вообще любое растение) похоже на город, в котором новые обитатели сами себе строят дома, и от этого город разрастается. Примерно так же рас-

тёт и дерево. Мы селимся здесь и выращиваем новые ветви, новые листья, кому как нравится. На первый взгляд никакого порядка, но в итоге получается ствол и крона. Или главная улица и переулки, если продолжать сравнение с городом...

– А как выглядят дриады?

– Никак.

– Что значит «никак»? Если вы есть, значит вас можно увидеть!

– Да, увидеть нас можно. Но это не значит, что мы как-то выглядим. Художники, например, видят нас в сполохах листвы. Или в просветах между ветками. Но один увидит одно, а другой – совсем другое... Если ты когда-нибудь попадёшь в библиотеку, можешь заглянуть в старинные книги, где есть рисунки дриад. И ты увидишь, как по-разному нас видят люди.

– Если я попаду в библиотеку, я сразу намочу книги, и они испортятся, – со вздохом сказала капля.

– Да, точно, я и не подумала. А ты знаешь, что книжную бумагу делают из дерева?

– То есть книги делают из вас?! – ахнула капля.

– Да нет, что за глупости! Я же сказала, мы в дереве только живём. Мы – голоса деревьев. И, кстати, вечные голоса – если одно дерево срубают, мы переселяемся в другое (мне, кстати, тоже скоро пора будет переселяться). Не то чтобы нам не жалко деревьев, из которых сделали книги, но книга тоже хорошая вещь. Особенно если там написано что-нибудь

про дриад. Книга – это ведь такой же дом для слов и картинок, как для нас дерево.

– Ясно, сказала капля. – А почему...

Она хотела задать дриаде ещё много вопросов про дерево, корни, листья, но в это мгновение что-то затрещало прямо у неё над головой, и намокшая ветка, отломившись, стремительно полетела вниз. Это произошло так же быстро, как будто кто-то перевернул страницу в книге.

– Ой! – закричала печальная дриада. – Катастрофа!

Но её голос стремительно удалялся. Видимо, она уцепилась за сучок.

Тяжёлая ветка, оторвавшись от дерева, с размаха ударилась о землю, и от этого удара капля провалилась в забвенье.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЮ ВЫПИВАЕТ МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА

Капля пришла в себя от громкого хруста.

Хрусть! Ещё раз хрусть!

Кто-то разламывал ветку на части.

– Сырая гнилушка! – услышала над собой капля. – Ну что делать, подсохнет и разгорится.

Руки подхватили обломки ветки и куда-то понесли. Со всем не далеко, всего за десять шагов. Потом что-то повернулось, скрипнула дверь, и деревяшки со стуком упали на глиняный пол.

– Бабушка, ты принесла дров? Будем разжигать огонь? – спросил детский голос.

– Да, только дыма получится много. Дрова сырые. Сама видишь, на улице дождь.

– А я люблю, когда дымом пахнет!

Поленце, в котором сидела капля, слегка обстучали об пол, чтобы с него слетела заплесневевшая кора, а потом куда-то положили поверх других деревяшек. Похоже, это был кухонный очаг, на котором бабушка собиралась готовить еду. Чиркнула спичка, и снизу поднялась волна тепла.

– Ну вот, опять огонь! – с тревогой подумала капля. – Сейчас будет больно!

Но огонь разгорался неохотно, он никак не мог поджечь поленья, а только нагревал их и сушил, и вскоре капля почувствовала, как тепло тихонько подталкивает её сквозь волокна древесины куда-то наружу. Выбравшись из обломка ветки и устроившись на её покато́й и скользкой от влаги поверхности, она огляделась.

Комната выглядела как декорация из волшебных фильмов. В рассеянном свете под стропилами, где неподвижно сидело несколько ящериц-гекконов, кружились маленькие прозрачные облака дымков. Мало того, что дым шёл из очага – он ещё поднимался от тонких палочек с благовониями, воткнутых там и сям, и, клубясь, улетал в щёлочку над дверью. По стенам висели цветастые коврики, и на их фоне дым казался праздничным и разноцветным, даже каким-то сладким.

– Все-таки надо проветрить комнату, – пробормотала бабушка.

– А как же злые духи? – возразила девочка.

– Мы их уже прогнали.

Капля присмотрелась и вдруг поняла, что она оказалась в том самом домике, на окошко которого упала совсем недавно. И девочка была той самой девочкой, с которой она играла. Вот здорово! Но только огонь... Он уже явно подсушил поленья, и с треском начал пожирать свою деревянную пи-

щу. Язычки пламени змеились все ближе.

– Все! Пора превращаться в пар! – и капля, оттолкнувшись от деревяшки, легко взмыла в дымный воздух. – Только я не хочу, чтобы меня проветривали!

Сделав круг по комнате вместе с клубами дыма, она топорливо стала выбирать, куда бы осесть. Ей нужен был какой-нибудь холодный предмет, потому что только на нем пар может снова превратиться в каплю.

– Ковёр? Нет, не годится. Занавеска? Не то. Оконное стекло? Нет, тут я уже была...

Вдруг она увидела на столе стеклянный кувшин с холодной водой. Вот оно, то что надо! Капля немедленно спустилась к нему и устроилась на самом краешке. Как раз вовремя: бабушка открыла дверь, и лёгкий сквознячок стал уносить дым и пар в вечерние сумерки. Огонь под очагом расстрещался вовсю, и подсохшие поленья больше не дымили, а исправно грели воду в старой кастрюльке.

Когда остатки дыма вылетели на улицу, бабушка закрыла дверь, подошла к очагу, и, что-то бормоча под нос (то ли молитву, то ли заклинание) стала из пригоршни тонкой длинной струйкой сыпать в воду рис. Это было очень красиво – как будто рисовые зерна, летящие в котелок, стали частью волшебного обряда. Девочка смотрела на все это затаив дыхание.

– Ну вот, теперь жди-пожди! – улыбнулась бабушка, взмахнув напоследок ладонью над котелком.

– Ба, ты так здорово готовишь!

– Да что тут готовить. Ты и сама справишься. Все что нужно – огонь и рис. И вода, конечно.

– Да, вода... Можно я попью немного, пока ты ужин делаешь?

И девочка решительно направилась к кувшину.

– Ну вот так дела! – подумала капля. – Я сейчас окажусь внутри маленькой девочки! Конечно, мы с ней знакомы, но на такое тесное общение я как-то не рассчитывала.

– погоди! – воскликнула бабушка. – Долго кувшин этот стоит, лучше налей новой.

– Уфф! – подумала капля. – Ой!

Кувшин резко наклонился, и она увидела прямо над собой лицо девочки, которое показалось ей огромным.

– Да мы недавно наливали! Я всего глоточек! – услышала капля.

Бульк!

Поток воды смел её и бросил на дно стакана.

Снова бульк!

Стакан перевернулся, и прямо перед собой капля увидела губы и открытый рот с жемчужными зубками, в котором притаился острый весёлый язычок.

Ух!

И капля полетела в тёплую глубину.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЗАНУДНАЯ МИКРОФЛОРА

Внутри девочки было темно и горячо. И очень шумно.

Как будто в лесу под тропическим дождём, повсюду слышались странные звуки. Раздавалось громкое шуршание – это струилась по венам и артериям кровь. Мерно пели свою песню лёгкие, вдыхающие воздух, будто океанский прибой бросал волны на песок. Снизу доносились глухие, как у огромного барабана, удары сердца. Что-то рычало и клокотало в желудке – он явно требовал новой порции еды. И весь этот оркестр из разных шумных инструментов был в высшей степени передвижным, так что каплю швыряло туда и сюда: девочка скакала по комнате. Кто бы мог подумать, что столь нежное существо устроено внутри как какой-нибудь шумный завод. Да ещё и прыгающий!

При этом девочка все время говорила, но капле было трудно разобрать, что именно. Слова доносились сюда, в глубину девочки, как звуки испорченного громкоговорителя: «Блям! Блям!». К тому же не прошло и нескольких минут, как на каплю посыпался варёный рис. Чтобы увернуться от белых разваренных комочков, ей приходилось вжиматься в шероховатую поверхность пищевода.

– Ну вот и обед! – с отчаянием думала капля. – Сейчас я с ним слипнусь, полечу вниз, и что дальше? Страшно подумать!

Но в это мгновение из красной темноты к капле протянулись чьи-то... Нет, не руки, конечно. Эти странные отростки нельзя было назвать ни руками, ни клешнями, ни ветками. Но они шевелились, и даже залезли вовнутрь капли, будто что-то в ней искали.

– Нет. Эта чистая! – сказал кто-то из темноты.

– Эй! Почему вы во мне копаетесь? – возмутилась капля.

– Мы ищем вредные бактерии. Извините. Это наш долг.

– Ваш долг? А кто вы такие?

– Фагоциты. Что, непонятно? Ну, макрофаги мы. Защищаем человеческий организм от инфекций. Короче, охрана. Ладно, давай, протекай дальше.

– А что, разве в воде может быть что-то вредное?

– Ха-ха! – басом расхохоталось сразу множество фагоцитов, скрывавшихся во мгле. – Именно! Как раз в воде все самое вредное и водится! Микробы и вирусы без воды жить не могут!

– Но и люди не могут без воды! – обиженно возразила капля.

– Лучше бы могли. Тьфу! Теперь вот ещё мокрый рис. Его хоть хорошо сварили?

– Хорошо, я сама видела! – успокоила их капля.

– Да, видно что в кипятке. Вот так и надо! Это от вас,

некипячёных капель, сплошные неприятности...

Неожиданно фагоцит осёкся. По стенкам пищевода пробежала волна, потом ещё одна. Внизу утробно зарычал желудок.

– Тревога! Тревога! Обнаружены ротавирусы! Они уже внизу! – воскликнул фагоцит. – Мы их пропустили. Горе нам!

– Это наверно из воды, которая долго стояла в кувшине, – сообразила капля. – Ну понятно. Раз ротавирус – он лезет в рот! И что же делать? Почему вы не спешите туда, вниз?

– Куда? Мы же не умеем двигаться!

– Что же это за охранники, которые не могут двигаться, – подумала капля. Фагоциты казались ей едва ли не самыми глупыми и вздорными существами, с которыми доводилось встретиться. Ну, ещё и скрипучая дриада, конечно...

– А что, эти ротавирусы, – они опасны? – осторожно спросила она.

– Они смертельны! – с пафосом воскликнул фагоцит. – Всех, кто живёт в желудке, навсегда унесёт страшным поносом. Погибнет наша родная микрофлора, полезные бактерии и грибочки!

– А девочка?

– Кто?

– Девочка! Человек, в котором вы живете! Что будет с ней?

Фагоцит на мгновение задумался.

– Ну, её, наверное, вылечат. Дадут лекарство. А может и нет. Какая разница? Если она съест антибиотики, все равно наш мир погибнет. Умрут и вредные, и полезные микроорганизмы.

– И наши инфузории Света и Люда! Боже мой, какие туфельки!

Фагоциты почти рыдали, но капле совершенно не хотелось их утешать. Ну конечно! Если у организма такая охрана, любая инфекция зайдёт в него как к себе домой.

– Значит так! Хватит ныть, надо бороться с ротавирусом! – решительно заявила капля. Фагоциты сразу притихли.

– Садитесь на меня, и я отвезу вас в желудок. Он где, внизу?

– Ох, внизу, внизу, сразу за диафрагмой налево, направо и вбок... Ну, короче, дорога тут одна, ты не заблудишься. Давай, теки. А мы тут, в пищеводе посидим. Мы не можем, тут у нас служба! – наперебой заговорили фагоциты.

– Ваша служба – бороться с инфекцией!

– Ну да. Но понимаешь, какое дело... Из желудка обычно никто не возвращается. Вот сколько тут сидим – только два раза было...

Капля едва сдерживала возмущение. Хотя что тут, в сущности, возмущаться? Все охранники на свете любят сидеть на месте, их специально учат не покидать свой пост. Поэтому ждать помощи от фагоцитов, когда инфекция уже попала в организм, просто-напросто нелепо. Это знает каждый

ШКОЛЬНИК.

– А давай мы поедем с тобой! – раздался вдруг из темноты тоненький голосок. Конечно, его владельца капля не могла разглядеть, но и так было ясно, что с ней говорит что-то очень маленькое, совсем микроскопическое.

– А ты-то кто? – спросила капля.

– Мы лимфоциты. И нас тут много! – ответил голос.

– О, вот эти ребята настоящие профи! – с облегчением воскликнул фагоцит. – От них там, в желудке, будет куда больше пользы, чем от нас! Соглашайся.

– Ну, поехали! – со вздохом решила капля, и тут же почувствовала со всех сторон страшную щекотку. В неё, как в поезд метро, спешно загружались несметные толпы крошечных существ. Не прошло и секунды, как они разместились внутри со всеми удобствами, и тоненький голосок закричал: «Вперёд! Зададим взбучку ротавирусам!».

– Похоже, я стала пилюлей с лекарством, – подумала капля и скользнула вниз по пищеводу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. БИТВА С РОТАВИРУСОМ

В желудке шёл настоящий бой. Капля уже немного привыкла к темноте, и хорошо различала тревожные красные пятна в тех местах, где ротавирусы атаковали нежные клеточки слизистой оболочки. Вирусов были сотни, нет, тысячи! Целая рота ротавирусов! И они стремительно размножались, проникая в живые клетки и выводя там своё потомство. Вокруг метались обезумевшие существа – бактерии, инфузории, и какие-то совсем мелкие обитатели желудка, названий которых капля не знала. Зато она сразу узнала местных фагоцитов, охранников, которые сидели на стенках и медленно тянули ножки в тщетных попытках поймать хоть один вирус. Но вирусы уворачивались и со смехом продолжали делать своё дело.

Похоже, прибытие лейкоцитов оказалось очень своевременным. Теперь капля наконец смогла разглядеть своих крошечных пассажиров, и оказалось, что, собственно, и разглядывать тут нечего. Лейкоциты были совсем невзрачные, куда им тягаться с ротавирусом! Но они и не собирались вот так прямо нападать на врага.

Отцепившись от капли, тысячи лейкоцитов бросились к

тем местам, где ротавирусы выращивали своё потомство, и один за другим начали проникать в поражённые клетки. Как будто маленькими иголками они пробивали себе дорогу сквозь клеточные оболочки – и сразу втягивались вовнутрь. А потом, к огромному удивлению капли, клетки лопались – и из них выпадали мёртвые ротавирусы. Прошло чуть больше часа, и вдруг капля заметила, что стенки желудка начали заживать. Красных пятен становилось все меньше, а оставшиеся ротавирусы засуегились, принялись бессмысленно метаться в разные стороны, и все чаще попадали в лапы фагоцитов, которые с нескрываемым удовольствием съедали их без остатка.

– Слава иммунитету! – прокричал один из лейкоцитов, проплывая мимо капли. – Ну, где еще ротавирусы?

– Здоровью слава! – откликнулся сидевший на стенке желудка фагоцит. – Последние сбежали в прямую кишку! Победа! Спасибо, ребята!

В желудке девочки стремительно восстанавливалась мирная жизнь. Конечно, такую важную победу надо было отметить, и все уцелевшие микроорганизмы решили устроить весёлый праздник – праздник переваривания риса. Но капля очень устала, ей хотелось побыть где-нибудь в тишине, вдали от этой мелкой суеты. Она опускалась все ниже, пока не нашла, как ей казалось, укромный уголок, небольшую пещерку внизу желудка.

Небольшую, но очень глубокую. Она вела все дальше, и

скоро превратилась в запутанный лабиринт.

Стенки пещеры были мягкими и нежными, прямо-таки бархатными, на них так и тянуло лечь прикорнуть. Но стоило капле прижаться к пушистым волокнам, как она почувствовала, что её опять во что-то втягивают.

– Не пора ли уже успокоиться?! – с возмущением думала капля, которую все быстрее несло сквозь сплетения тонких тканей и клеточек в неизвестном направлении. Она ещё не знала, что в человеческом организме все время что-то происходит. Даже если человек спит, внутри у него ни на секунду не прекращается движение, и нет ни одного уголка в теле, где бы могла отдохнуть капля воды...

Сперва капля попала в печень – и там её целый час кружило как в центрифуге, потом она растворилась в крови и с головокружительной скоростью помчалась по кровеносным сосудам, и наконец оказалась в самом важном, как считается, месте человеческого организма – в сердце. Но сердце не произвело на каплю никакого впечатления. Это был просто огромный насос, оплетённый мышцами, который со страшной силой сжимался и разжимался.

– Почему люди так любят говорить о том, что чувствует их сердце? – сварливо спросила измученная капля, когда её оглушило могучим ударом и протолкнуло дальше вместе с красными и белыми кровяными шариками. – Почему эту глупую насосную станцию воспевают поэты? Она качает и качает! И все! Эй! Куда мы теперь летим?

Но кровь ничего не отвечала. Красные и белые шарики, не меньше капли обалдевшие от ударов сердца, торопливо каптились своей дорогой, куда-то вверх. Может быть, в голову?

– Ну вот, я доберусь до мозга, там хотя бы есть с кем поговорить! – с досадой думала капля. – А если он спит? Тогда я тоже немного посплю. Эх, хорошо бы!

Сосуды постепенно сужались, и капля чувствовала, что их уже начинает согревать солнечный свет. Она приближалась к чему-то большому и круглому. К солнцу? Откуда тут солнце? Ах, вот оно что! Это был глаз девочки. По несколько раз в секунду на него как будто набегали тучки – и вновь устанавливалась хорошая погода. Раз, ещё раз!

– Это, наверное, она моргает! – сообразила капля. – Интересно, на что она смотрит?

А девочка снова смотрела на оконное стекло, по которому бежали капли дождя.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ ИЗ ГЛИНЫ

– Ну, не плачь! – услышала капля голос бабушки прямо над собой.

Она лежала на пыльном земляном полу, и даже не помнила того короткого мгновения, когда была слезинкой.

Все произошло так быстро! Наверное, быть слезинкой горько и щекотно, потому что уносишь какую-то частичку печали, но теперь капля ничего не чувствовала, кроме ужасной усталости. Ей хотелось полежать вот так, без движения, подольше. И слушать только голоса людей да шум других капель, падающих на покрытую тростником крышу.

– Я не плачу. Я просто скучаю.

– Скоро мама приедет, подарков привезёт. Как твой живот? Болит?

– Уже прошёл. А мама точно сегодня приедет?

– Должна приехать. Хочешь, я тебе сказку расскажу?

– Хочу!

– Ну, тогда слушай! Жила-была капля...

От неожиданности капля, уже почти задремавшая на полу, вздрогнула и проснулась. Что за ерунда?

– ...И однажды к цапле пришёл журавль...

– А! Послышалось! – догадалась капля. – Не «капля», а «цапля»! Ну конечно, какие могут быть сказки про каплю воды.

– Никаких! – хихикнула крошечная сороконожка, пробежавшая мимо. – Про каплю сказок нет. А вот про меня есть! Я сама слышала. Про то, как я забыла, какой ногой делать первый шаг. Ой, сильная сказка! Я три дня с места сдвинуться не могла, когда её услышала, хи-хи!

– А теперь ты помнишь, как ходить? – невольно нагрубила ей капля. – Так иди себе, не приставай.

– Фи! – фыркнула сороконожка и побежала дальше, в тёмный угол. А капля осталась лежать на земляном полу и грустить.

Вот если бы девочка знала, что капля спасла её от вируса... Может быть, когда-нибудь капля научится писать, и напишет о своих приключениях, чтобы девочка смогла об этом узнать. Но ведь она капля воды, а не чернил! И потом, даже моря чернил не хватит, чтобы рассказать все истории, которые с ней приключились и ещё приключатся. Так никто об этом и не узнает. Ах, жалко... Это была бы бесконечная правдивая сказка, а не то, что принято рассказывать детям...

Пока капля предавалась таким размышлениям, притча про цаплю и журавля уже кончилась, а потом скрипнула дверь, и в дом ворвался дождливый ветерок, подхвативший радостные крики девочки, торопливые рассказы бабушки,

ласковые вопросы и весёлые ответы.

– Девочка больше не будет сегодня плакать. Ну и прекрасно! – подумала капля. – Хорошо, что она уже выплакала меня, отправлюсь-ка я дальше странствовать по свету!

Она сразу приободрилась, рассудив, что пора перестать быть слезинкой, и снова сделаться весёлой каплей. Тем более что дождь на улице капал все слабее и слабее, а, значит, утром может выглянуть солнце. И к этому моменту хорошо бы забраться куда-нибудь повыше. На дерево, например. Конечно, там будут сварливые дриады, но какая разница...

Капля уже решила, что сейчас найдёт себе в земле какой-нибудь корешок, и даст себя выпить. Но на плотно утрамбованном полу никаких корешков не росло. Собравшись с силами, капля начала просачиваться ниже. Ну что там, под полом этой хижины? Песок? Хорошо! Глина? Ладно, потихоньку можно одолеть и глину. А дальше? Хм...

Глина все не кончалась, а наоборот, с каждым сантиметром становилась плотнее и плотнее. Капля уже почти отчаялась – ведь попасть в глиняную ловушку очень неприятно. Она окончательно застряла. Ни вниз, ни вбок. Что делать?

– Помогите! Кто-нибудь! – в отчаянии сдавленно крикнула она, хотя, конечно, просить о помощи было абсолютно нелепо. Разве кто-нибудь живёт в глине? Но помощь не заставила себя ждать. Раздалось тихое шуршание, и в бок капле упёрся маленький острый корешок. Это был корешок-атлет, он состоял исключительно из деревянных мускулов. Та-

кой и через камень пройдёт.

Хрюп!

В одно мгновение капля была выпита и помчалась по знакомой дороге – капилляры, извивы корней, болтанка туда-сюда, и наконец мощный рывок наверх. Она ждала, не заведёт ли с ней разговор местная дриада, но вокруг стояла бездушная тишина. И вообще все это было не похоже на первое путешествие внутри дерева: подъем шёл без остановок, но каждую минуту каплю подбрасывало на каких-то стыках, будто поезд стучал по рельсам колёсами. Приглядевшись, она увидела, что и сверху, и снизу её путь украшен анфиладой круглых колец, делающих ствол ребристым, как шланг пылесоса. Что же это за дерево? Или не дерево, а трава?

– Бамбук! – вдруг догадалась капля. – Меня выпил бамбук! У него, вероятно, и дриады-то никакой нет...

На самом деле никому неизвестно, живут ли в бамбуке дриады, но зато он совершенно точно самое жадное и настойчивое растение. Все жизненные силы бамбук пускает в ствол, чтобы доказать, что он не трава, и может вырасти выше некоторых серьёзных деревьев. Поэтому веточки у него мелкие и неухоженные, с жалкими тщедушными листочками, но вот сердцевина ого-го! Не сломаешь, не согнёшь. За это бамбук очень ценят рыболовы, которые делают из него отличные удочки.

Поэтому неудивительно, что к утру, когда капля уже почти достигла тонкой бамбуковой вершины, бамбук аккурат-

но спилили. Кто-то долго чистил ствол от веток, напевая протяжную песню, а потом понёс новое удище к реке. Но то ли рыба в тот день не клевала, то ли у рыболова появились неотложные дела, а может так было предначертано судьбой – удочка оказалась в воде, где-то в камышах. Вскоре её подхватило течение и понесло вниз по реке.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЯ ЗНАКОМИТСЯ С ИНТЕРНЕТОМ

Капля слегка покачивалась вместе с бамбуковым удилищем, и после всех вчерашних приключений была совершенно счастлива. Наконец-то она плывёт к морю! До него явно совсем не далеко: река становилась все шире и медленней, а это верный признак устья, то есть того места, где её воды впадают в океан. Пришло время потихоньку выбираться из удочки, и, путаясь в прочных бамбуковых волокнах, капля протиснулась к речной воде.

Вода в реке вела себя гордо и молчаливо. Как усталый рабочий, который возвращается после тяжёлого дня домой, она угрюмо шла вперёд и вперёд, не обращая внимания на берега и белые буйки, обозначающие для кораблей фарватер – самый глубокий и безопасный путь по речной дороге. Да и на сами корабли, сновавшие там и тут, река не отвлекалась. Ей хотелось поскорее нырнуть в солёную океанскую глубину, и каплю тоже охватило щекочущее нетерпение.

– Наконец-то я окажусь дома, в океане! Закончу свой первый круговорот, – думала она. – Но где же океан? Где его соль, его волны?

Берегов уже не было видно, исчезли рыбацкие лодки, а потом и корабли. Солнце садилось за идеально выгнутую линию морского горизонта. А речная вода все ещё оставалась речной водой. Такой же пресной и неторопливой, медленно текущей куда-то на Юг. Ведь реки не сразу смешиваются с океаном, многие из них продолжают свой невидимый путь в глубину морей на многие десятки километров. И лишь там, где сила течения иссякает, они наконец растворяются в солёном безбрежном морском просторе.

Только под утро капля почувствовала, что состав воды вокруг неё изменился. Послышались знакомые весёлые голоса.

– Эй! Привет! Ну как путешествовалось? Долго ли теклось, далеко ли леталось? – спрашивали вновь прибывших набежавшие морские капли. Но речные ничего им не отвечали, только блаженно вздыхали и медленно погружались в глубину.

– Привет! Ох... Хорошо... Я потом расскажу, – на одном выдохе пробормотала капля, и тоже стала медленно опускаться туда, где будто в огромном гамаке нежились её попутчицы.

Это была линия термоклина, граница между стоячей и текущей водой в океане, которую моряки-подводники ещё называют «жидким грунтом». Там, как по твёрдой земле, бродят стада мелких рачков планктона и множество других морских жителей, не желающих опускаться на дно. Каждая капля, завершившая свой круговорот, обязательно попадает сю-

да, в спокойное и тихое место, куда не долетает шум бурь.

Но наша капля была слишком чистой и пресной, а значит тяжёлой. Она легко пробила невидимую границу, разделяющую подвижные океанские течения и холодные донные воды.

И началась её долгая дорога в глубину, прочь от яркого солнечного света.

Все вниз и вниз.

Мимо стаяк серебристых рыбёшек, суевившихся вокруг облачков планктона.

Мимо переливающихся всеми цветами радуги медуз.

Мимо страшных большеротых рыб с огромными пустыми глазами.

Прошло довольно много дней и ночей, прежде чем капля достигла океанского дна. Здесь было совсем темно и тихо, только о чем-то привычно ворчали донные воды, лениво разлѣгшиеся над вековечным слоем ила. Но кроме их ворчания в темноте раздавался ещё какой-то звук. Не то жужжание, не то свист. Он исходил от длинного белого кабеля, лежавшего на дне. Кабель был тёплым, и его окутывало мерцающее облачко воды.

– Что это? – спросила капля, не слишком рассчитывая на ответ. Обычно донные воды немногословны. Но облачко, клубившееся вокруг кабеля, мгновенно откликнулось на её вопрос.

– Это называется Интернет. Огромная электронная сеть,

которой люди опутали всю планету. Перед тобой одна из её нитей, подводный кабель с проводами.

– Интернет? Что это такое?

– Информация. Знания. Общение. Ещё один океан, который придумали люди.

– Надо же! – удивилась капля. – Это и правда океан знаний?

– Ну, люди так считают, потому что они здесь рассказывают друг другу про весь мир. Конечно, они знают о нем совсем немного, поэтому в основном это рассказы о них самих. Они ведь очень любят рассказывать о самих себе, о том, как их удивляют, радуют и огорчают разные вещи, а о самих этих вещах приходится только догадываться.

Капля прислушалась. В кабеле гудело, пищало, щелкало, как будто огромный косяк селёдки потерял дорогу в океане, и все рыбы начали ругаться друг с другом.

– Ничего не понимаю!

– Надо долго изучать язык людей, чтобы что-то понять. Вот слышишь это тонкое пощёлкивание? Это язык букв. Таких языков у людей очень много, но они довольно простые. Из букв получаются слова, которые люди читают на экранах своих компьютеров и телефонов. А вот это завывание – язык звуков. Им люди говорят по телефонам, например. Или вот язык картинок, чтобы его расшифровать мы, донные капли, сами начинаем светиться, как точки на компьютерном мониторе, и у нас выходит картинка. Когда картинки идут одна за

другой, получается что они движутся, как живые. Это кино, видеосвязь, телевидение. Понятно? Вот, смотри!

Донные воды ещё плотнее сбились в облачко вокруг кабеля, и в нем вдруг отчётливо проступило лицо человека, который озабоченно о чем-то говорил.

– Ух ты! – воскликнула капля. – То есть вы знаете все о людях?

– Да, но это не так интересно, как ты думаешь. Люди воображают себя самыми сложными существами на свете, а ведут себя как простые молекулы. Они спорят об одном и том же, делают одинаковые глупости, смеются над одними и теми же шутками. Сами они думают, будто попискивание в кабеле создаёт целую вселенную. А на самом деле все у них повторяется. Одни и те же цифры, слова, желания. Даже картинки одни и те же. Нужно очень долго ждать, чтобы узнать что-то по-настоящему новое. В одном квадратном сантиметре океанского дна с его песчинками, микроорганизмами и течениями больше разнообразия, чем во всем этом их Интернете. Да вот, послушай сама...

Капля прислушалась, и различила в кабеле попискивание другой тональности. Это были очень громкие и оживлённые сигналы, которые перебивали друг друга и настойчиво чего-то требовали.

– А это что за язык? – спросила она.

– Язык денег. Банки, кредитные карточки, криптовалюты... Это очень сложный язык, на котором люди говорят все-

го одно слово: «Дай!». Вот на что они тратят время, силы и изобретательность.

– Зачем же для одного слова придумывать такой запутанный язык?

– Ну, наверное, на сложном языке легче обманывать друг друга.

Капля задумалась.

Конечно, она видела людей совсем иначе, хотя донные воды тоже говорят правду. Но, кажется, они знают про человеческий мир только по его электронным следам. Они просто слишком долго сидели в этом Интернете.

– Думаю, люди очень разные... – робко сказала капля.

– Ну конечно! – легко согласились донные воды. – Они сами все время об этом говорят. Все говорят о своей исключительности, а сами похожи как...

– Как две капли воды? – улыбнулась капля.

– Ну да...

И тут капля услышала что-то очень знакомое. Её будто закачало на душистой еловой лапе, и маленький фонарик глубоководной рыбы-удильщика, проплывавшей мимо, на мгновение превратился в новогодний огонёк. По кабелю неизвестно откуда и неизвестно куда бежала песенка, далёкая песенка про северного оленя:

Говорят чудес на свете нет

и дождями смыт оленя след.

Только знаю, он ко мне придёт,

если веришь, сказка оживёт!

– Пожалуй, отправлюсь-ка я на поверхность, – решительно сказала капля. – Пора мне в новый круговорот!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ ПРО КОМЕТНОЕ ВЕЩЕСТВО, КОТОРОМУ НАДОЕЛО ЖИТЬ В КОСМОСЕ

Вот о каком человеческом языке донные воды не сказали ни слова!

Да они, наверное, его попросту не слышали. А между тем музыка была по-настоящему волшебной, она, казалось, пронизывала толщу океана и наполняла её солнечным светом.

От этой музыки капле сразу стало тепло, и она ощутила внутри себя удивительную лёгкость. Она была самой лёгкой каплей в океане! И все равно, сколько займёт подъем из глубины – годы или одно мгновение.

Сколько бы времени ни прошло, она снова окажется среди пиршества гривастых волн и порывов морского ветра! Да вот, уже...

С разбегу, ещё неся в себе последние аккорды музыки, капля выскочила на поверхность.

Над морем стоял удивительной красоты рассвет. Прямо над каплей в небе пролетало маленькое молодое облачко, и

сразу было видно, что это облако-путешественник, собравшееся в далёкие края. Капле определённо было с ним по пути.

– Фьють!

Океан с его темными безднами остался далеко внизу. Конечно, это был мудрый океан, и капля чувствовала, что узнала от него много важных вещей. Но с этой мудростью было приятно расстаться.

– Привет, ещё одна путешественница! – радостно окликнули её такие же лёгкие капли в кучевом облаке. – Ну что, в новый круговорот?

– Да!

– Прекрасно! Ты откуда, из океана?

– Да, конечно, как все капли.

– Не все, – засмеялись капли. – Представь себе, земная капля, не все!

– Почему?

– Потому что вот мы, два десятка капель вокруг тебя, прилетели из космоса!

– Разве в космосе есть вода?

– Вода есть повсюду во вселенной. И на других планетах, и даже в межзвёздном пространстве. И, конечно же, в кометах, вечных космических странниках, которые иногда пролетают мимо Земли. Вот мы как раз из такой кометы! Она упала на землю сто лет назад.

– А откуда в космосе берутся кометы?

– О, это очень древняя история. Кометы возникли раньше, чем появилась ваша Земля, они одни из самых старых небесных тел в ближайшем к Солнцу космосе. Но мы очень туманно помним, как появилась наша комета, ведь это было почти пять миллиардов лет назад! И все это время мы дремали в огромном куске льда. Правда, порой, когда наша комета приближалась к солнцу, некоторые из нас оттаивали и превращались в газовый шлейф. Это, собственно, и было нашим единственным праздником.

– Я несла шлейф кометы пятьдесят тысяч раз! – с гордостью сказала одна из неземных капель.

– А я всего три тысячи. А потом попала на ту сторону кометы, которая всегда в тени, и замёрзла на миллиард лет... – с грустью добавила другая.

– Да уж, не повезло, так не повезло, – вздохнула третья. – Признаться, жизнь на комете была не слишком разнообразна.

– Что значит «не разнообразна»? – вступила в разговор ещё одна капля, висевшая в воздухе чуть повыше, и выглядевшая очень серьёзной. – Это наша комета, нелепо её осуждать! Уж точно в ней было больше чистоты, чем на этой ужасной планете. И она древнее. Лучше послушайте сагу, которую я сложила:

«Комета чиркнула по земной атмосфере, как спичка о коробок. Много воды потеряла, но остальная кусками льда упала на землю.

И медленно, медленно тают осколки ядра кометы глубоко под землёй в Подкаменной Тунгуске. Пьют космическую воду деревья, мхи, папоротники и цветы. На торфяном болотце распускаются невиданных размеров кувшинки. И нам, потерянным каплям, хочется попасть туда, к нашим сёстрам...»

– Да ну их к лешему! – возмутилась вдруг одна из капель. – Ну мотались мы с ними по космосу миллиарды лет. И что? Пусть сидят там, если им нравится. Ни капли не жаль!

– А то, что это наша точка круговорота! Капнем в тайге, отметимся, и можете дальше путешествовать.

– Там что, начальник сидит, нас отмечает?

– Там не начальник, там осколок нашей родины!

– Да какая это родина, просто кусок льда!

В облаке назревал скандал.

– В вас, кажется, вообще не осталась ничего кометного! – ругалась серьёзная капля. – Вы совсем разложились! Вы смешались с земным туманом!

– И что с того? Он клёвый! – хором отвечали другие космические капли-пришельцы. – Мы тоже хотим начинать круговорот в океане, а не в каком-то там болоте!

– Это ваш выбор! – сухо заявила серьёзная капля.

И это было её ошибкой. От сухости она с треском исчезла прямо на глазах, будто её и не бывало. Вода ведь не может быть сухой.

– О! Озончиком запахло! – засмеялись другие капли-при-

шельцы. – Кто тут разложился, ещё большой вопрос.

Но, отсмеявшись, они задумались.

– А может, она в чем-то права? – вдруг сказала одна из них. – Помните кольца Сатурна, Красное пятно Юпитера? Безграничные просторы Вселенной? Мы были пленниками куска льда, но зато предвещали для людей войны и катастрофы, завораживали их своей кометной красотой в ночном небе. А что теперь? Мы просто незаметно крутимся в каком-то бесконечном круговороте воды...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ САМОЛЕТ ВЫЗЫВАЕТ ДОЖДЬ

В облаке ещё продолжался спор, надо ли искать болото в Подкаменной Тунгуске, или лучше забыть о космическом заточении как о страшном сне, а капля думала о другом.

– Вот ведь удивительно! Значит, местом начала и конца круговорота не обязательно должен быть океан? А совершает ли круговорот вода в космосе, во вселенной? Ого! Такие вопросы, что голова кружится. Откуда мы все идём, и куда?..

Между тем облако продолжало свой путь, и ветер упорно гнал его на северо-восток.

Внизу проплывали вершины величественных гор с белыми шапками вечных льдов, и капле невольно вспомнилась история о заточении в леднике на миллионы лет. После знакомства с кометными каплями эта история, конечно, уже не казалась такой потрясающей, но все равно капля осторожно огляделась, чтобы проверить, не превращаются ли её попутчицы в снежинки.

К счастью, нет.

Разогретые спором, капли и не думали замерзнуть, и облако мягко скользило над вершинами гор, отбрасывая на лед-

ники свою невесомую тень.

Наверное, на свете нет ничего красивей, чем вид горных хребтов, особенно если плавно скользишь над ними по воздуху. С утра до вечера горы все время меняются, окрашиваясь под лучами восходящего и заходящего солнца в разные оттенки, покрываясь глубокими морщинами теней и сверкая голубыми льдами. Тонкие верёвочки горных рек украшают их как ниспадающие бусы, а проложенные человеком дороги змейками оббегают их талии, балансируя над глубокими обрывами. Горы – лучшее пиршество для любых глаз, тем более что зрителей здесь не много. Горные бараны да орлы – вот все живые существа, которым дано наслаждаться горными пейзажами каждый день. Ну и, разумеется, облака, которые смотрят на горы миллиардами глаз воды.

Капля любовалась горами до самого вечера, а наутро они кончились, и внизу снова раскинулась водная ширь. Это было небольшое море, и его дальний берег тоже украшали горы, только поменьше, уже без ледяных шапок. Они становились все более пологими, и вскоре уступили место равнинам, бесконечным полям, разрезанным полосками лесных насаждений. Поля были разноцветными, как лоскутное одеяло. На одних зрела золотая пшеница, на других жёлтые подсолнухи, на третьих зеленело разнотравье, а были и квадраты незасеянной земли, с которых в небо под лучами солнца поднимался почти невидимый пар. Эту землю, которой земледельцы дают отдохнуть от посевов, они так и называют «земля под

паром».

Ветер нёс облако неспешно, едва подталкивая вперёд, и день за днём было видно, как на земле наступает золотая осень. Золотая – не только потому что листья на деревьях становились красными и жёлтыми, смешиваясь в золотой оттенок, но и оттого что воздух медленно наполнялся торжественным космическим холодом, становился гулким и богатым, как в храме или во дворце. Споры в облаке давно затихли, и капли висели в нем почти неподвижно, задумавшись о чем-то своём.

И неудивительно, что когда однажды утром к облаку подлетел огромный пассажирский самолёт, капли заметили его лишь в самое последнее мгновение. Казалось, самолёт взялся из ниоткуда: только что его не было, и вдруг все завибрировало от рёва реактивных двигателей. Крыло задело край облака, и в какую-то долю секунды можно было разглядеть лица людей в иллюминаторах. Кто-то читал газету, кто-то мирно спал, а лётчики в кабине пили кофе, убрав руки со штурвалов и лишь искоса поглядывая на приборы автопилота.

Самолёт мелькнул и исчез, его шум постепенно стихал, но в облаке начался настоящий переполох. Воздушные вихри бросали капли вверх, вниз и друг на друга, превращали в маленькие водяные шарики, и те устремлялись навстречу земле. Повсюду раздавались взволнованные крики:

– Дождь! Начинаем первый осенний дождь!

– А не рано?

– В самый раз! Дни становятся короче, пора, пора!

– Это что, средняя полоса?

– Лес какой-то. Опять в лес?

– А там родник! Тот самый, про который все говорят,

что...

Но что говорят про родник, капля уже не услышала. Она вывалилась из облака, и вокруг тихонечко запел воздух. Начался первый, совсем ещё короткий сентябрьский дождь, который часто пробегает по земле как предвестник осенней непогоды. И его капли упали в воду лесного родника.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. РАЗГОВОРЫ В РОДНИКЕ ЖИВОЙ ВОДЫ

С разгону затормозив в синеватой от холода воде, капля сразу почувствовала, что попала в особенное место. Такой прозрачности и чистоты она не ощущала до сих пор нигде. И это была не тоскливая больничная чистота, и не чинная чистота, как внутри того колодца, в котором она однажды побывала, а мягкая и светлая свежесть. Дно родника казалось живым, оно было словно устлано мягким течением пульсирующих ключей.

Ключей... Почему эти родники называются ключами? Какие тайные двери они отпирают?

Всем своим прозрачным телом капля ощущала, будто погружается в какое-то очень древнее знание, и слышала множество голосов, которые шептали странные слова.

– Где я? – наконец спросила она.

– Привет тебе, капля-путешественница! – ответил чей-то голос, и казалось, что он звучит со всех сторон. – Ты добралась туда, где однажды суждено побывать любой капле воды.

– Я ведь сюда случайно капнула.

– Случайностей не существует. Вся вода в мире рано или

поздно проходит через наш родник.

– А как он называется?

– Люди называют это место истоком живой воды. Говорят, мы исцеляем болезни, и даже можем воскресить мёртвых.

– Это правда?

– Не знаю, – ответила вода. – Все зависит от того, насколько сами люди в это верят. Раньше верили, и с ними действительно происходили чудеса. А теперь сюда уже давно никто не ходит.

– Значит, чудеса кончились?

– Ну нет, совсем не обязательно. Люди придумали лекарства от болезней, полетели в космос... Для тех, кто жил раньше и ходил сюда за водой, это несомненные чудеса.

Словно в подтверждение этих слов, послышалось тихое постукивание далёкой железной дороги, и по поверхности родника пробежали почти незаметные волны.

– Значит, люди изменились? Стали другими? – спросила капля.

– Конечно. Но все меняется. И ты тоже. Ты ведь совсем не та, что день или даже час назад.

– Почему?

– Под твоей «кожей», под плёнкой поверхностного натяжения, которая придаёт капле форму шара (или вытянутой груши, когда она собирается капнуть) уже совсем другие частички воды. Ты получила их вместе с паром, ты смешивалась с другими каплями. А сейчас, когда ты смешалась с

водой в роднике, ты вообще потеряла своё тело – и обретёшь новое лишь когда покинешь нас. Ты вновь изменишься.

Капля задумалась.

– Меня ведь и правда нет, я смешалась с другими каплями в источнике. Почему же я остаюсь собой? Почему я говорю и слышу?

Понять это было очень трудно.

– Если во мне все меняется, если я исчезаю и возрождаюсь, почему же я – это я?

– На самом деле все в мире меняется, – уклончиво ответила вода. – Один умный человек сказал: «Нельзя войти в одну реку дважды». Он имел в виду, что это будет уже другая река, другие частички воды, которые ежесекундно приносят течением. И так во всем. Даже солнце, которое мы видим, каждое мгновение другое. Оно теряет частички света, по нему кочуют тёмные пятна, оно пульсирует и преобразуется. В мире нет никаких постоянных «я».

– А люди? Они ведь все время говорят «я»? Они не меняются?

– Ещё как меняются. В каждом человеческом теле за семь лет все старые клетки умирают, и рождаются новые. Так что можно сказать, что через семь лет и человек тоже становится совсем другим.

– Но почему мне кажется, что я – это именно я? Именно та капля, которая пережила все свои приключения? И другие капли, которые я встречаю – у них тоже свои истории, свои

приключения? У каждой из них – своё «я»!

– Все дело в памяти. Ты это ты, пока помнишь. И не важно, что изменилось в твоём теле, если ты хранишь свои чувства и воспоминания.

Капля задумалась.

– Да, понятно... Но иногда мне кажется, что я помню гораздо больше. Не только то, что было со мной, но и с другими каплями. Со всей водой на свете....

– Вот это и есть память океана. Мы говорим «океана», но это вообще память всей воды. Рек, озёр, облаков. Чем дольше ты в круговороте, тем больше приобщаешься к этой памяти. Мы перемешиваем её, делим между собой, и именно из этого рождается жизнь на нашей планете. Потому что жить значит помнить.

– А если про что-нибудь забывают, это умирает?

– Пока существует вода, ничто не будет забыто. Жизнь на этой планете когда-то вышла из воды. Поэтому и ты, капля, так её ценишь. Жизни всего живого. И каждую человеческую жизнь. Конечно, время идёт, и умирает все – и камни, и горы, и люди. Даже солнца со временем гаснут. Но пока есть память о горах, людях и звёздах, все это остаётся. Все, что было, есть и будет – живёт, и у времени нет власти что-либо изменить.

– Получается, я и моя память – частичка вечной жизни?

– Наша память. Память живой, свободной воды. И ты тоже отныне можешь называть себя так. А теперь тебе пора в путь.

Давай, становись снова каплей-путешественницей!

Ключевая вода подбросила каплю на поверхность, и кто-то нежно подхватил её, увлекая вверх, к веткам осенних деревьев. Мир вокруг завертелся и закружился, отражаясь в её новом сверкающем теле.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ ПОЯВЛЯЕТСЯ ЗНАКОМЫЙ КАПЛЕ МАЛЬЧИК. ТОЛЬКО ОН ГРУСТИТ. ЭТО ВООБЩЕ ГРУСТНАЯ ГЛАВА

Полет на лапке перелётной утки, на минуту спустившейся к роднику и вновь припустившей в небо догонять свою стаю, продлился лишь несколько мгновений. «Ф-р-р!» – зашуршали крылья, и капля едва успела увидеть, что облако улетело куда-то на север, а стая уток тонким клином устремилась на юг. Соскользнув с утиной лапы, она вновь падала на землю.

Прямо на шляпку большого белого гриба.

Гриб стремительно приближался. Он казался огромным, как целая планета.

Планета по имени «гриб».

(А ведь может быть грибы так и думают. Они не похожи ни на животных, ни на растения, их даже выделяют в особое царство живой природы, которое ни то, ни се. И грибы, которые мы можем увидеть – вовсе не отдельные существа, а части огромной подземной грибницы, опутывающей целый лес. А ещё разные виды грибов, такие как плесень, живут в

человеческих жилищах, селятся на голых скалах, и вообще обосновались во всех уголках Земли миллиард лет назад, задолго до животных и растений. Возможно, когда-нибудь они заявят о своих исключительных правах на нашу планету. Но пока грибы, к счастью, молчат.)

Капля, падая на шляпку гриба, разумеется, думала совсем о другом.

– Как удивительно! «Я» – это не я. А «Не я» – это целый мир, и я в нем растворяюсь.

Но почему тут так скользко? Фу! Это слизь!

И правда, на шляпке гриба долго не пофилософствуешь. Издали она кажется блестящей и красивой, но вблизи покрыта чем-то липким, как плохой клей. Гриб специально выделяет слизь, чтобы легче выходить из земли и не засохнуть, если вдруг станет жарко. Иногда, особенно у поганок, эта слизь бывает ядовита, но белый гриб не из таких. Он абсолютно съедобен.

– Очень вкусно! – заявил маленький бледный червяк, с хрустом прогрызший шляпку с той стороны и вылезший на поверхность рядом с каплей. – Достойный гриб.

– А ты понимаешь, что ты уже не ты? Что каждую секунду ты меняешься, становишься другим? – спросила у червяка капля.

– Разумеется. Я толстею.

– Да нет же, в философском смысле...

– Я не очень умный, – честно ответил червяк. – Я лучше

ещё поем гриб. Ой! Нет! Кажется, грибники идут. Пока, я пополз.

Со стороны червяка это была совсем не глупая мысль. Не прошло и минуты, как гриб кто-то срезал старым ржавым ножом и бросил в корзину, на дне которой уже лежало несколько грибов с ярко-красными шапками – подосиновиков. Они пахли так сильно, что в корзину не умещался ни один другой запах.

Корзина качалась, её куда-то несли. Капля, от сотрясения переехавшая на ножку гриба, чувствовала мерное покачивание в такт человеческой походке, а вокруг неё происходила настоящая паника. По всей корзине метались мелкие жучки, ругаясь и выпрыгивая сквозь прутья.

– Ну что же такое, только сели поесть как следует, и опять эти грибники! – ворчали они.

В конце концов почти все жуки из корзины высыпались, и когда через пол-часа послышался скрип досок крыльца, в ней остались только самые объевшиеся и нерасторопные, забившиеся между прутьев до лучших времён. Где-то наверху над каплей послышался удивлённый мальчишеский голос:

– Ну, бабушка, ничего себе! Когда ты успела столько набрать?

– Кто рано встаёт, тому Бог даёт!

Корзина перевернулась, и грибы с мягким стуком высыпались на кухонный стол. Это была кухня уютного деревенского домика, в котором пахло печным теплом и старой бу-

магой. Рядом с каплей сновали сухие старушечьи руки, хватавшие грибы один за другим и чистившие их от налипшей грязи.

– Давай лучше, помоги мне!

Капля почувствовала, как к ней прикоснулась рука мальчика. Что-то в ней было знакомое.

Ну конечно!

Она уже когда-то чувствовала эту ладонь – правда, всего одну секунду, и сквозь толстую вязаную варежку, но узнала её безошибочно.

Это был тот самый мальчик, к которому она слетела с ёлки снежинкой на площади! Тот, да не совсем тот.

Прошло ведь немало времени с тех пор, и мальчик вырос, ему на вид было лет двенадцать, а может и побольше.

– Бабуль, смотри, это белый? – мальчик поднял гриб с каплей повыше, и она смогла хорошенько его разглядеть. Густые тёмные волосы, внимательные голубые глаза, тонкая улыбка на губах...

– Похоже, вырастет красавцем! – подумала капля. – Но почему он тут, в деревне, а не в городе? Не в школе? Ведь осень, все дети должны учиться...

– Да, белый! – услышала она голос бабушки. – У вас там, наверное, таких не будет. Ну ничего, будет что-то другое...

– Не хочу я туда уезжать! – с грустью сказал вдруг мальчик. – Зачем? Почему мама и папа улетели в эту Америку?

– Наверное для них так лучше. Наступает время, когда

люди ищут перемен, что-то их срывает с места. Расселяет по свету, как семена деревьев. Это только грибы веками в одном месте растут.

– Но ты ведь почему-то не едешь?

– Я старая, кому я там нужна. Да и хозяйство не хочу бросать.

– А ты все продай, как они квартиру продали, и поезжай с нами!

– Нет, – печально ответила бабушка. – Мне не судьба. Я где родилась, там пригодилась, тут и умру.

– Ну почему же так?

– Я из другой жизни. Раньше все так и было заведено: рождались в деревне, женились, работали, рожали детей, и тут же на кладбище покой свой находили. Такой вот был круговорот. А теперь, видишь сам, от того круговорота полтора дома осталось. Молодые в город перебрались, а из города им целый мир открывается. И тебе он откроется ещё шире. Это, наверное, хорошо.

– Но мне так нравится у тебя, в деревне!

– И это тоже хорошо. Здесь наше с тобой начало. Но мир изменился, и жить в нем надо по-другому. Только о своей родине забывать нельзя.

– Я никогда не забуду! – прошептал мальчик. – Я обязательно к тебе вернусь.

– Может и вернёшься, а может и нет. Кто знает. Ты главное запомни, откуда ты, кто ты. Вот этот лес запомни, этот

дом, эти запахи. Птичьи голоса запомни, грибочек этот белый. Пока помнишь, ты здесь. Сколько бы времени ни прошло, пока помнишь, ты тут, со мной. И никакие годы и расстояния нам не страшны. . .

Капля, слушая этот разговор, чувствовала, что снова становится горькой как слеза. «Время идёт лишь для тех, кто в темнице!» – повторяла она про себя, но все равно ей было грустно. Да и старинные часы-ходики на кухонной стене, шевеля усами-стрелками, со стуком маятника отмеряли не что-нибудь, а время. Человеческое время.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, ВНУТРИ КОТОРОЙ ОБНАРУЖИВАЕТСЯ ГЛИСТ

Ну и что, что она оказалась вместе с грибными очистками на дне мусорного ведра?

Подумаешь.

Видала она места и погрязнее.

Правда, вокруг опять суетились мелкие грибные жуки и червячки.

– Пируем! Пируем! – кричали они. – Эй! Человек! Ещё нам хлебного мякиша! И молочка! И заварочки!

Казалось, эти глупые и алчные существа представляют какую-то карикатуру на человеческую жизнь, издеваются над нею с грязного дна старого железного ведёрка. Вот что было гадко и невыносимо. К счастью, вскоре в кухне выключили свет, и через некоторое время в ведре наступила тишина. Но ощущение, что как-то все здесь не так, не оставляло каплю до глубокой ночи.

– Полететь, что ли, тоже в Америку? – печально подумала вслух она.

– Да! Да! В Америку! – воскликнул вдруг маленький длинный червячок рядом с ней. Он один, кажется, не соби-

рался засыпать во всем помойном ведре. – Америка – страна больших возможностей! Биг-маки, хот-доги! Техасские рейнджеры!

– Ты кто?

– Я глист.

Капля на минуту замешкалась. Ведь обычно при знакомстве, если кто-то тебе представляется, надо говорить «очень приятно!», но когда ты знакомишься с глистом – какое уж тут удовольствие?

– Не смущайтесь, мадам! – вывел её из замешательства глист. – Мне не привыкать, на глистов все смотрят сверху вниз. Но я необычный глист, я весёлый! Знаете, наверное, такую песенку:

*«У Пегги был забавный глист,
Он вылезать умел на свист –
Ах, до чего весёлый глист!
Спляшем, Пегги, спляшем!».*

(Песенку эту капля раньше не слышала, но сразу решила поскорее забыть).

– Ну это не совсем про меня, конечно, никакой Пегги я знать не знал, – как ни в чем ни бывало продолжал глист. – Зато я знал Бенью! Какой человек был Бенья! Тёплый и хороший. Мы там, в желудке Бени, так и говорили: где Бенья, там и родина. Но увы, нам пришлось расстаться – как говорится, по независимым от нас гигиеническим причинам. И тогда, после долгих приключений, я поселился на яблоке –

и встретил свою Еву. Да! Я искушал её этим яблоком, как змей... Но, впрочем, не знаю, понимаете ли вы, о чем я говорю, может и не читали этих книг? А я читал многое. О, благословенны те страны, где в туалетах используют бумагу! Я, можно сказать, книжный глист! Я...

– И как же ты собираешься попасть в Америку? – с подозрением перебила его капля, которой уже изрядно надоел хвастливый рассказ глиста, длинный как он сам. – Может, ты в мальчишке хотел поселиться?

– Ну да, хотел, – неохотно признался глист. – Но он моет руки. Ну и пусть. Я возьму журавля дальнего следования. Они сейчас, осенью, довольно дешёвы. Хотя бы до Испании, а там разберёмся.

– Перелётные птицы? – с сомнением спросила капля. – Лично я на утке и ста метров не пролетела.

– Так надо не на птице, а внутри! С комфортом! С этими очистками и шелухой! Сейчас ведро выбросят на помойку, и, надеюсь, какая-нибудь прекрасная птица на них польстится, и проглотит меня!..

– По-моему, ты путаешь перелётных птиц с воронами, – возразила капля. – Они никогда не шастают по помойкам.

– Сейчас такое время, что все шастают.

В любом случае, становиться попутчиком глиста капле не хотелось. Да и про Америку она сказала всего лишь с досады. Но на утро все случилось именно так, как предполагал весёлый глист: едва ведро вынесли на помойку, как в небе

появилась стая журавлей. Длинноногие птицы были так истощены, что охотно накинулись на отбросы, и не прошло даже минуты, как одна из них поддела яичную скорлупу, на которой висела капля, подбросила её в воздух и с лёгкостью поймала длинным клювом.

– Ну, что я говорил? – торжествуя, воскликнул глист, который не отставал от капли ни на минуту. – Смотри, мы уже на борту!

Удивительное дело, но прямо под клювом журавля обнаружился довольно просторный зоб, отделанный кожей как салон шикарного самолёта, где дремало несколько десятков мух, два земляных червяка и старый потрёпанный комар. В зобу у птицы, конечно, летать довольно опасно – тебя ведь могут окончательно проглотить! К тому же, здесь сильно укачивает. Но в некоторых обстоятельствах мухам, червякам и каплям воды выбирать не приходится.

– Это наверняка президентский стерх! – восхищался глист. – Вы читаете газеты? Это он! Смотри, какая кожаная отделка!

– Да ладно, не видели вы стерхов! Обычный серый журавль, и довольно потрёпанный, – сварливо пропищал ему комар.

Едва капля и глист устроились рядом с ним, как на середину салона вылезла пожёванная жужелица-стюардесса.

– В течении полёта, – хрипло объявила она – запрещается курить и распивать спиртные напитки. Нельзя раздра-

жать журавля, щекотать ему горло, выделять токсины и перемещаться по птице без крайней необходимости. Аварийный выход находится за вашей спиной. Журавль проследует до Израиля без остановок.

– У-У-У! – взвизгнул глист, – Проклятье! Опять...

– Что «опять»?

– Да нет. Ничего.

И, к великому облегчению капли, глист наконец погрузился в долгое мрачное молчание.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, В КОНЦЕ КОТОРОЙ КАПЛЕ СТАНОВИТСЯ НЕМНОГО СТЫДНО

Капля летела в зобу журавля и вспоминала о роднике с живой водой, о бабушке и внуке, и о помойном ведре, в котором копошились неприятные черви и насекомые. Как далеко, и как близко это друг от друга! И вот с одним из червяков-паразитов она, капля живой воды, куда-то теперь летит. Но ничего не поделаешь, капли попутчиков не выбирают.

– Интересно, как мы будем вылезать, когда прилетим? – спросила капля. Но никто из пассажиров ей не ответил, а жужелица-стюардесса исчезла. Возможно, журавль её окончательно проглотил.

Иногда птица ощутимо кренилась, и её слегка потряхивало – это журавль менял своё место в стае, которая летела клином высоко над землёй. Журавли часто перестраивают свой клин в воздухе, чтобы пустить вперёд отдохнувших, а уставших отправить в конец, где им лететь немного легче.

Сначала капля от нечего делать считала, сколько раз их журавль перестраивался, но вскоре сбилась со счета. Порой

стая садилась где-то, чтобы отдохнуть, но что это были за места капля так и не узнала – клюв ни разу не открылся. Видимо, есть там было нечего.

Наконец во время очередной посадки в зоб опять приползла жужелица. Вид у неё был ещё более помятый и пожеванный, но держалась она молодцом.

– Уважаемые пассажиры, наш журавль прибывает к месту зимовки. Температура у берегов Мёртвого моря 25 градусов по Цельсию. Спасибо что выбрали нашу стаю. Прошу всех оставаться на местах и ожидать полного раскрытия клюва.

Глист рядом с каплей потянулся и начал потихоньку двигаться куда-то назад.

– Поползу-ка я вовнутрь журавля! – заявил он. – Мне тут выходить не нужно. Буду жить в птице. А что? Журавль в небе лучше, чем синица в руках, так ведь говорят?

Конечно, говорят совсем наоборот. Но капля не успела его поправить, потому что в этот момент клюв журавля вдруг широко открылся, и стало видно, что снаружи стоят какие-то люди в белых халатах. Один из них ещё шире развёл руками клюв птицы (хотя журавль с остервенением хлопал крыльями и отбивался), осветил вовнутрь фонариком и радостно воскликнул:

– Да! Он здесь!

– Доктор, вылезайте, мы вас видим! – с весёлым смехом закричали двое других. – Не подвергайте птицу лишним мучениям!

Капля огляделась, пытаясь понять, к кому это они обращаются, но кроме нескольких мух, комара и глиста в зобу у журавля никого не было.

И тут один из людей негромко, но мелодично засвистел.

– Ладно, вылезая, – уныло пробормотал глист. – Так и знал, что они меня найдут...

С этими словами он неохотно высунулся наружу и повис на клюве, раскачиваясь под лёгкими порывами тёплого ветра.

– Мы рады снова видеть вас, доктор! – веселились люди в белых халатах.

Глист мрачно изогнулся.

– В лаборатории вас ждут!

– Понимаете, – с грустью сказал глист капле, которая тоже вытекла на кончик клюва, – я редкая разновидность. Целебный гельминт. Лечу у людей рассеянный склероз и сложные виды аллергии. Видишь, что они придумали – находят меня у птиц и скармливают больным. Но, честно говоря, мне страшно надоело жить в животах маразматиков и чихающих от каждой пушинки дамочек. Поэтому я все время сбегая куда-нибудь. Сам процесс побега, как бы это выразиться... М-м-м... Достаточно неприятен. Но канализация – не самое страшное. Самое ужасное – все время возвращаться назад...

– В пробирку его, в пробирку!

– Я ещё выберусь! – крикнул глист капле. – Мы ещё увидимся в Америке!

– Далась ему эта Америка, – озадаченно подумала капля. – Но надо же. С виду паразит как паразит, а оказывается доктор. Он со мной на «вы», а я с ним всю дорогу на «ты» разговаривала. Неудобно-то как.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. СОЛЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЧУДЕСА

Само собой, в клюве журавля капле теперь делать было нечего, и она поспешно капнула вниз. Только упав на камень, она огляделась своим сферическим глазом по сторонам. Что же в нем отразилось?

Странное место!

Это был пустынный берег, на котором лежали ловчие сети для птиц. Журавль как раз запутался в одной из них, но люди не собирались оставлять птицу в беде. Они распутали верёвки, и журавль, издав возмущённый крик, поспешил улететь восвояси. В сторону моря.

Но море было каким-то необычным.

Вдоль кромки прибоя неподвижно лежала белая каменная пена, и песок на берегу тоже был белёсым от мелких блестящих кристалликов. На нем не росло ни одной травинки. И вода в море казалась медленной и безжизненной, словно это и не вода вовсе, а безвольная жидкость, разучившаяся течь. Только ветер тихонько посвистывал над берегом, напевая свою печальную песню.

– Мёртвое море! – вспомнила капля. – Странно... Почему

оно мёртвое?

– Потому что очень солёное! – ответили волны. – Здесь так солоно, что жить невозможно. Но не бойся, тебе соль ничем не грозит. Иди сюда, мы все тебе расскажем!

– Нет уж, я лучше полежу на камне! – ответила капля. – Согреюсь и улечу в небо.

– Это вряд ли, – ответили волны. – Смотри, уже вечер, солнце заходит.

И правда, солнце клонилось к горизонту. Ветер усиливался, и слегка раскачивал морскую гладь, так что волны стали чаще накатывать на берег, и их голоса окружили каплю со всех сторон.

– Мы – мёртвая вода. Мы заживляем раны. В нас нельзя утонуть. Если человек бросается в воды мёртвого моря, то всплывает как поплавок. Он может сидеть на воде и читать газету – некоторые туристы так и делают. Им это кажется забавным. Но они не знают, что прикасаются к могущественной силе, к соли, которая хранит очень печальную память. Здесь, на берегу, были великие города Содом и Гоморра, в которых, как гласит предание, люди совершали слишком много дурных поступков – и за это Бог послал на них огненный дождь. Ты слышала об этой легенде?

– Нет, – призналась капля.

– Тогда послушай. Говорят, прежде чем уничтожить эти города, Бог послал своих ангелов, чтобы они убедились, что их жители действительно заслуживают столь страшной кары.

Ангелы нашли лишь одного праведного человека, жившего в Содоме, его звали Лот. И когда стало ясно, что гнев Бога неизбежно обрушится на Содом и Гоморру, ангелы предупредили Лота о страшных событиях. Они сказали ему: Бог велит тебе, бери свою семью, уходи из города, но ни за что не оборачивайся. Если Бог не жалеет этих безумцев, человек тем более не должен испытывать к ним жалости. И Лот послушался. За его спиной хлестали молнии и рушились городские стены, а он шёл прочь, не оглядываясь назад. Он ведь никогда не любил свой город и своих соседей. Он был праведником, а они грешниками – и сами заслужили страшную смерть. Но жена Лота оказалась слишком мягкосердечной, и, услышав крики погибающих, не выдержала. Она обернулась – и в тот же миг её постигло страшное проклятие. Она превратилась в соляной столб.

Капле на мгновение показалось, что в каменной пене из кристаллов соли у берега проступило прекрасное женское лицо.

– Да, соль легко растворяется в воде, – вздохнула волна. – Возможно, она тут, перед тобой. И есть люди, которые думают, что соль здесь появилась именно с тех пор.

– Но разве то, что сделал с ней Бог, справедливо? – воскликнула капля.

– Это именно справедливо, – ответила мёртвая вода. – Девушка нарушила приказ Бога и понесла наказание. Но справедливость – не самая хорошая вещь на свете. И уж точно

не самая добрая. Впрочем, люди не всегда умеют различать, где добро, а где зло. Именно из-за людей мы, волны мёртвого моря, оказались сейчас в смертельной ловушке.

– Вы заперты? – спросила капля. – Почему?

– Ну, если тебя это интересует, послушай научную версию того, как появилось наше море, – ответила волна. – Когда-то вся вода на земле была солёной, но потом под лучами солнца воды испарялись, а соль уходила на берега. Превращалась в кристаллы. Ты же видишь, сколько их на кромке прибоя?

– Да. И так вода избавилась от соли, появились пресные реки и слабо солёные океаны? И возникла жизнь? – догадалась капля.

– Можно сказать и так. Химический состав океанов менялся, они стали пригодны для жизни. Но немалая часть соли собралась в эту впадину (ведь ты сейчас находишься ниже уровня океана почти на пол-километра!). Мёртвое море – всемирный склад соли, её древнейший запас. Если бы не великая река Иордан, тут была бы соляная пустыня. Но река наполняет котловину пресными водами, и солнце не может нас иссушить. Вернее, раньше не могло. А теперь люди стали строить на реке плотины, и наше море стремительно съедается, испаряется в небо, оставляя лишь пустые соляные берега.

– Мёртвая вода убывает? – спросила капля.

– Да, и убывает её лечебная сила. Когда-то в древности сюда приезжали лекари, составлявшие лекарства для знаме-

нитых царей и цариц. Например, для библейского царя Ирода. И, говорят, египетская правительница Клеопатра пользовалась мазиями из глины нашего моря, чтобы сохранить свою красоту. Теперь эта магия почти не действует, хотя в любой аптеке Европы люди могут купить лекарства и мази, сделанные здесь. А все потому, что...

– Потому что люди больше не верят в чудеса! – вспомнила капля. – Как странно! Мёртвая вода говорит почти то же самое, что я слышала в роднике живой воды.

– Это неудивительно, ведь даже в сказках мы действуем вместе.

Капля задумалась. А что такое чудо? Разве это какой-то фокус, необычное событие? Исполнение желаний? Необъяснимое явление? Нет, в конце концов всему находится объяснение, а исполненные желания забываются. Чудо это что-то совсем другое...

От этих мыслей каплю отвлек скрип песка.

Волна притихла. По берегу в сумерках шли старик и юноша, и о чем-то оживлённо беседовали.

– Когда мы строили новый дом, жена спросила меня, хочу ли я вид на море, и я сказал, что нам нужно построить его с видом на горы, потому что они стоят на месте, а море постоянно отдаляется, – рассказывал старик. – Так мы и сделали. Но я люблю этот берег, и согласен каждый день проходить лишние два километра, чтобы увидеть моё море.

– И вас не смущает, что мёртвое море умирает? – спросил

юноша.

– Ха-ха! Мёртвое умирает! Вы сами хоть слышали, что сказали? – рассмеялся старик. – Море никогда не умрёт. Это вы умрёте, ну и я, конечно. А море переселится в другие места. Впрочем, может и мы с вами не умрём, а куда-нибудь переселимся.

– Наука не подтверждает бессмертия человеческой души...

– По науке я, наверное, должен был построить дом вовсе без окон, чтобы видеть только то, что я могу понять, – иронично заметил старик. – Но в мире много неизвестного, и если уж выбирать на что смотреть, так лучше выбирать то, что оставляет нам надежду, как сказал один мудрец.

– На что же тут надеяться? Вон, смотрите, какой безнадёжный вид! Да ещё и море с каждым годом пересыхает. А на берегах, где раньше добывали соль, образуются провалы, тысячи карстовых воронок. В них даже дома проваливаются. И охота вам тут жить?

– Очень даже охота, – хитро улыбнулся старик. – Я вот посадил в своём дворе дерево. Всего одно дерево, да?

– И что?

– А то, что оно прижилось. Пять лет я поливал его пресной водой, а теперь его корни прошли сквозь солёные пласты и нащупали чистые грунтовые воды. Его листья осенью опадают на землю, и удобряют её. Оно может теперь обходиться без моей заботы. Пройдёт ещё много лет, и его семена напе-

рекор всем законам мёртвой природы сами взойдут, прорастут, появится оливковая роща. В других местах это было бы самым обычным делом. Но здесь жизнь – это настоящее чудо. И моя жизнь тоже. Понимаете, о чем я?

Юноша пожал плечами.

– А я-то, кажется, понимаю, – подумала капля.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЯ СПАСАЕТ НАХОДЧИВОГО ГОНЩИКА

Если вы смотрите в безоблачное небо и думаете, что там нет ни одной капли воды, вы сильно ошибаетесь. В воздухе всегда есть немного пара, хотя бы несколько невидимых водных частиц в каждом порыве ветра. И теперь, когда капля испарилась с камня под утренними лучами солнца, она летела не одна. Рядом с ней, такие же невидимые, летели капли воды из Мёртвого моря. Очистившиеся от соли, невесомые и счастливые.

– Мы свободны! Мы летим, мы переселяемся! Наше море переселяется! – кричали они.

Вообще говоря, великое переселение морей и озёр происходит каждую секунду, и об этом говорят в новостных программах по многу раз в день. Люди обычно не замечают другие великие переселения – переселения птиц, насекомых, переселения звёзд из одного космического скопления в другое, переселение почвы, которую смывает в реки и уносит ветер, переселение семян цветов... Да много чего ещё потрясающего и необыкновенного они не замечают. Мир наполнен непрерывным движением, и мы сами в нем участвуем,

переселяясь из дома в дом, из города в город. Но только одно великое переселение мы видим каждый день и интересуемся им, изучая ежедневный прогноз погоды: переселение воды в небе. Ведь от этого зависит, брать ли нам с собой зонтик.

Постепенно капли собрались в облачко, а потом даже в солидное облако, которое могло привлечь внимание какого-нибудь метеоролога – учёного, изучающего погоду. Он бы, несомненно, сказал, что здесь рождается новый атмосферный фронт, который идёт в сторону Европы – будто речь про какие-нибудь военные действия, а не про пушистое скопление ниточек пара. Учёные вообще любят употреблять всякие значительные слова, чтобы никто не сомневался, что они занимаются очень важными вещами. Однако всем известно, что предсказания погоды им удаются хуже всего.

Вот и в этот раз метеоролог наверняка бы ошибся. Облако, собравшееся было лететь куда-то в сторону Испании, вдруг перехватил невесть откуда взявшийся воздушный поток и решительно поволок его по небу совсем в другую сторону, на юго-запад.

Но капля почти не замечала, как ветер играет с новорождённым облаком. Она снова обдумывала то, что услышала накануне.

– Почему мёртвая вода сказала, что она всегда действует сообща с живой? Ну да, конечно! В старинных русских сказках именно так воскрешали павших богатырей. Надо было принести ковшик с мёртвой водой и ковшик с живой. Снача-

ла мёртвая вода приращивала к телу отрубленные ноги, руки, голову, а потом живая – оживляла героя.

Но это все, конечно, сказки. А по-настоящему мёртвая вода для людей – это справедливость. Она заставляет их жить по правилам, которые спасают весь человеческий род, чтобы он не погряз в грехах. Без этого никак не обойтись, если людей много. Поэтому-то, наверное, они сперва тянулись к божествам справедливым, вроде того бога, который разрушил Содом и Гоморру. Это помогло им создать законы, соединило в государства и города, как в единое тело. Но для настоящей жизни этого мало. Людям нужен и другой бог. Бог любви.

Без справедливости и без любви человеческая жизнь невозможна. И, хотя любовь часто несправедлива, а справедливость жестока, должно быть и то, и другое. Живая и мёртвая вода...

Впрочем, все эти мысли капля думала как бы не сама собой, а будто кто-то думал их за неё. То ли ветер, то ли солнце высоко в зените, то ли бескрайняя земля, над которой она пролетала, и где один город через эстафету деревень и поселков сменял другой, одно государство неохотно уступало место другому государству.

Однако вскоре суша кончилась. Ещё не наступил вечер, а внизу снова стала видна морская гладь, и даже с высоты было ясно, что это море не такое уж солёное. Кое-где в нем просвечивали коралловые рифы, мелькали рыбы кося-

ки, да и сама вода играла волнами, перекидывалась лёгкими гребешками пены. Полет над этим морем продолжался всю ночь, но даже в темноте оно оставалось живым – в нем сверкали прожекторами рыболовные траулеры, а светящийся планктон серебристыми дорожками отмечал следы кораблей и движения крупных рыб, поднявшихся к поверхности. Все это было похоже на бесконечный медленный фейерверк, час за часом мерцающий над праздником морской жизни.

К утру облако достигло берегов Африки, и почти сразу внизу началась пустыня. Многие говорят, что она очень похожа на море, потому что песчаные барханы как застывшие волны простираются до самого горизонта. Но сравнивать пустыню и море очень глупо, сходство тут можно найти разве что на картинках, а наяву такое сравнение ни за что не придёт в голову. Эти две стихии дышат совершенно по-разному. Море ночью теплее воздуха, а днём холоднее, и обдувает тебя приятным ветерком. Пустыня же под лучами солнца похожа на раскалённую сковородку, а ночью остывает так же быстро, как сковородка, под которой выключили газ. Днём нестерпимо жарко, а ночью пронизывающий холод, – вот что такое пустыня. И, понятно, воде там делать нечего.

Но что поделать, ветер гнал облако как раз в глубину огромной африканской пустыни Сахара. Утро уже наступило, и раскалённый воздух, летящий вверх от нагретого песка, дул на капли воды как огромный фен, высушивая и размётывая их в разные стороны. Облако бледнело и уменьшалось,

распадаясь на клочки и ниточки пара – словно вся его облачная жизнь прокручивалась в обратную сторону. Прошёл какой-то час, и от него не осталось и следа, а капля превратилась в невидимый шар, парящий высоко над барханами. Горячий воздух играл ей как мячиком, стараясь подбросить к солнцу, которое поднималось все выше. К полудню капля уже была так измучена, что у неё не осталось ни одной мысли, кроме желания скорее дожидаться вечера и упасть вниз, на остывающий песок. А что будет завтра? Песок нагреется, и все повторится снова? Боже, какие страшные мучения её ждут!..

Но, оказывается, капля не одна страдала под палящими лучами. Далеко внизу, между барханами, была видна какая-то чёрная точка. Когда солнце начало клониться к горизонту, и безжалостные горячие потоки немного ослабли, капля опустилась чуть ниже к земле, и с удивлением увидела, что там лежит человек. Рядом с ним зарылся в песок мощный гоночный мотоцикл со сломанной рамой. Мотоцикл был весь усеян наклейками, на которых жёлтыми буквами красовались надписи «Париж-Дакар». Человек старался укрыться от солнца небольшим брезентовым тентом, растянутым на хлипких проволочных растяжках, но едва умещался в его тени. Одна нога у него была неестественно вывернута.

– Похоже, это гонщик, потерпевший аварию! – догадалась капля. – Интересно, давно он тут?

– Уже третий день. Третий день... – неожиданно ответил

ей человек. Конечно, он обращался не к капле, а разговаривал сам с собой. Похоже, ему было совсем плохо, он бредил.

– Третий день без воды... Только три дня можно прожить без воды. Сегодня третий. Это конец.

Действительно, лицо гонщика казалось будто вырезанным из сухой деревяшки. Глаза запали, губы растрескались. Каждое движение давалось ему с трудом. Тем не менее он пошевелился и постарался встать на колени.

От человека с таким измождённым лицом в подобных обстоятельствах можно ожидать только одного: чтобы он помолится и отдал наконец богу свою заблудшую душу. То есть умер и не дёргался понапрасну. Но вместо этого он внезапно чертыхнулся.

– Черт! Надо попробовать... Ведь есть же такой способ...

Преодолевая боль в вывихнутой ноге, гонщик снял кусок ткани с растяжек и разложил на песке.

– Роса... Ночная, утренняя роса... Хотя бы несколько капель. Главное не проспать час перед восходом солнца...

Капля, опускаясь все ниже к земле, наконец поняла, что он затеял. Не долго думая, она упала прямо на брезент. Рядом с ней на песок и на брезентовый полог тихо опускались другие капли, её попутчицы по облаку. Вскоре наступила кромешная темнота, а в небе высыпало неисчислимое количество звёзд. Никогда ещё капля не видела над собой такого космического звёздного неба, которое отражалось в ней со всех сторон, будто она стала маленьким планетарием. Ино-

гда через все небо пролетали метеориты, и казалось что это происходит настолько близко, что можно услышать шипение от их серебристых следов в атмосфере.

Кусок ткани постепенно пропитывался водой. Клеточка за клеточкой, нитка за ниткой. Над брезентом свистел холодный ветер, и человек мучительно не мог уснуть, ему хотелось укрыться от холода, но ткань нельзя было трогать. Тогда он выкопал под мотоциклом небольшую песчаную нору и забился туда, скорчившись в три погибели.

Перед рассветом стало особенно холодно, и капли усеяли брезентовое полотнище как шляпки гвоздей. С первыми лучами солнца человек пошевелился, выбрался из своей пещеры и вытащил из сумки, притороченной к мотоциклу, маленькую пластиковую бутылку и воронку. Осторожно перебирая руками брезент, сантиметр за сантиметром, он начал отжимать влажную ткань в бутылочку. В итоге она наполнилась почти наполовину.

Пока гонщик священнодействовал с воронкой и полотнищем, солнце вошло выше над горизонтом, отбрасывая длинные тени барханов на песок, и наступил короткий блаженный миг, когда холод сменяется нежным утренним теплом, а жизнь кажется вполне сносной штукой. Гонщик посмотрел на бутылочку, которую держал в руке.

– Вода... Чудо. Настоящее чудо! – прошептал он сухими губами. – Здесь три глотка. Первый я выпью сейчас. Второй оставлю на полдень. А третий на вечер. Если доживу до зав-

тра, повторю все снова. У меня будет вода. Я продержусь.

Осторожно поднёс бутылочку к губам, и выпил первую, утреннюю часть своей небесной добычи. Капля, оставшаяся на дне бутылки, чувствовала, как непросто ему было отнять горлышко от губ, чтобы не осушить все одним махом. Но человек поспешно закрыл бутылку пластиковой пробкой и убрал в тень под мотоцикл.

Все равно бутылка быстро нагревалась, и капля скользила по её стенке, дожидаясь, когда тень от рукоятки мотоцикла станет совсем короткой, а значит наступит полдень. В бутылке становилось все жарче. Сквозь пластиковую стенку был слышен заунывный шум ветра и перекачивание песчинок, да иногда неловкие движения человека рядом с ней... И ещё какой-то далёкий стрекочущий звук.

Звук все нарастал и нарастал. Он сделался громче ветра, громче самого громкого крика. На песок упала огромная тень. Большой зелёный вертолёт с красным крестом сделал круг над гонщиком, приземлился среди барханов, и оттуда выскочили люди с носилками и медицинскими сумками.

– Вы живы? Сколько дней без воды? Скорее, вот фляга!

Гонщик жадно пил свежую воду, и не мог оторваться. Минуту, две, пять... Казалось, он никогда не перестанет.

– Я продержался, – наконец сказал он, оторвавшись от воды. – Вот, презент... Капли...

Он достал из-под мотоцикла пластиковую бутылочку, и, пока его укладывали на носилки, крепко прижал к груди.

– Зачем вы берете её с собой? Выбросьте, она теперь не нужна.

– Ну нет. Я повезу эту воду домой, в Нью-Джерси, и буду хранить как память о чуде! Она помогла мне выжить и не отчаяться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ КАПЛЯ ПРОВЕЛА МНОГО ЛЕТ, А ВЫ ПРОЧИТАЕТЕ ЕЕ ЗА ПЯТЬ МИНУТ

В первый раз капля летела через океан на самолёте, но полет её ничуть не впечатлил: пластиковую бутылку от кока-колы вместе с другими вещами гонщика просто сдали в багаж, а через десять часов утробного воя моторов бросили на ленту транспортёра и выдали в аэропорте. Вот тебе и все путешествие в Америку.

Наутро она обнаружила себя в гостиной среди каких-то золотых и серебряных вазочек. Это были кубки, завоёванные гонщиком на соревнованиях, и он специально поставил бутылочку рядом с ними, объявив, что в ней – его главный выигрыш за всю жизнь.

Ну что ж, человек имеет право гордиться своим упорством и стойкостью. Но, оглядевшись, капля заметила, что здесь вообще любят гордиться. На стенах в гостиной висели фотографии, на которых гонщик принимал награды, поливал шампанским других победителей или был снят в компании разных знаменитостей. То он здоровался с каким-то извест-

ным киноактёром, то прогуливался вместе с президентом... О том, кто все эти люди на фотографиях, и когда они были сняты, капля вновь и вновь узнавала во всех подробностях, когда в дом приходили очередные гости. И, конечно же, обо обсуждался каждый кубок, каждое призовое место в гонках за всю спортивную карьеру гонщика (которая, как понимала теперь капля, закончилась злополучной аварией в пустыне). Эти рассказы гонщик вёл с самым скромным видом, будто его заставляли говорить, а сам он ужасно стеснялся. Но если вдруг гости не проявляли должного внимания к наградам и фотографиям, хозяин или его жена, накрашенная блондинка с вечно широко распахнутыми как будто от радости глазами, вроде бы случайно заводили речь о гонках и знаменитостях. И в конце, после долгой многозначительной паузы, следовала коронная история гонщика:

– Но для меня гораздо дороже всех этих медалей и золотых кубков вот эта маленькая бутылочка с несколькими каплями воды. Хотите узнать, почему?

По правде говоря, капле надоело слушать эту историю уже на третий раз. Но когда она услышала её в тридцатый третий, ей уже хотелось расщепиться на водород и кислород. А после сотого повторения она торжественно поклялась, что больше никогда не станет спасать гонщиков и вообще любых спортсменов.

Впрочем, гости появлялись в доме реже и реже. Шли месяц за месяцем, год за годом, и все, что видела вокруг се-

бя капля сквозь мутный пластик бутылки, практически не менялось. Иногда приходила уборщица, протиравшая кубки от пыли, и пару раз проводила по бутылке стерильно чистой тряпочкой, но от этого мир вокруг не становился менее мутным. Все чаще капля вспоминала рассказ про заточение в клепсидре и чувствовала, как и над ней обретает власть время. Время мучало её, заставляло впадать в мутное забытьё, залезать на пластиковую стенку и скатываться обратно на дно. А хуже всего было вечером, когда гонщик и его жена включали телевизор, откуда в гостиную выплёскивался целлофановый, ненастоящий мир и раздавались фальшивые, тоже какие-то пластиковые голоса телеведущих. Казалось, и они чем-то хвастаются, в тысячный раз рассказывая одну и ту же историю, в которой всегда присутствовали знаменитости, соревнования и слово «чудо». Но было ясно, что ни в какие чудеса они не верят, а верят только в себя.

Свет телевизора в полумраке заставлял на мгновение заподозрить, что на свете нет ни морей, ни облаков, ни звёздного неба, а есть только эта плоская картинка на экране.

– О чем ты думаешь? – каждый вечер спрашивал стареющий гонщик жену, когда, выключив телевизор, они отправлялись в спальню.

– О тебе. И все о том же, – немного печально отвечала женщина, глаза которой по вечерам прятались под щёлочками усталых век, и вся её красота тоже куда-то пряталась, превращалась в пластмассовый обман.

Капля знала, что она имеет в виду. У них не было детей. И уже не предвиделось. Разрушить её темницу, как когда-то клепсидру, тут будет некому...

Так в пластиковом заточении прошло восемь или десять лет – капля уже сбилась со счёта. Но однажды вечером женщина вдруг ответила на привычный вопрос совсем по-другому.

– О чем ты думаешь, дорогая?

– Ты знаешь, милый, нам нужно что-то изменить. Не знаю, понравится ли тебе это, но я хочу, чтобы у нас жил ещё кто-нибудь. Как раз у Нэнси, ну, Нэнси Симс, проблемы.

– Что, Нэнси хочет к нам переселиться? Она разошлась с мужем?

– Ах, что за глупости! Конечно же нет. Но они обещали сдать комнату с пансионом зарубежной студентке, а теперь выяснилось, что там протечка и нужно делать ремонт. Им страшно неудобно, и они спросили, не хотим ли мы...

– Студентке?

– Ну да, девочка, первокурсница. Ей всего семнадцать лет, она почти ребёнок. Какой-то вундеркинд, будущее светило в математике. Конечно, это внесёт в нашу жизнь немного новых забот, но вдруг мы с ней подружимся? Да и тысяча долларов в месяц не будет лишней, ведь счета все растут, и бензин так дорожает...

– А откуда она? Надеюсь, из России или из Польши? Там такие красавицы...

– Ой, ну ладно тебе! – рассмеялась жена гонщика, и на мгновение снова сделалась красивой. – Она из Индии откуда-то, её прислали учиться за государственный счёт к нам. К тому же она несовершеннолетняя по нашим законам, понятно?

– Понятно, – задумчиво протянул гонщик. – Ну, не знаю. Если тебе так этого хочется...

– Значит, можно?

– Значит, можно.

– Люблю тебя! – воскликнула жена, и тут же стала звонить подруге по телефону.

Через неделю капля впервые увидела новую жилищу, и сразу почувствовала, что время теряет над ней власть, а мутный пластиковый мир куда-то отступает. Девочка приехала в новый дом налегке, у неё в руках был только небольшой рюкзачок и сумка с переносным компьютером. Судя по биркам авиакомпании, она явилась сюда прямо из аэропорта. Выглядела она так, как, наверное, выглядят тысячи индийских девочек, перелетевших через океан. Джинсы, ярко-оранжевая футболка, белые кроссовки. Чуть смуглая кожа, черные брови, высокий красивый лоб. И – внимательные черные глаза, в которых как стекляшки в калейдоскопе кувыркалились осколки любопытства, восторга и печали.

– О, а это ваши призы? – воскликнула девочка, едва гонщик вышел ей навстречу, чтобы помочь отнести в комнату

вещи – и озадаченно остановился, увидев, что вещей-то, считай, и нет.

– Вы все это выиграли?

– Пустяки. Меня, наверное, уже никто и не помнит, – с печалью в голосе сказал гонщик, и капля вдруг с удивлением поняла, что, кажется, он не собирается хвастаться перед этой девчонкой.

– Ну что вы, я знаю, вы знаменитый гонщик, это просто потрясающе! Вся Индия вас знает, я помню, моя мама и бабушка так волновались, когда вы пропали в африканской пустыне!

– Но для меня гораздо дороже всех этих медалей и золотых кубков... – начал было гонщик свою обычную историю, но вдруг остановился. – А, впрочем, это не важно.

– А что это за бутылочка?

– Просто вода.

– Просто вода? Наверное, это вода из Сахары? Можно потрогать?

Девочка задумчиво провела пальцем по стенке пластиковой бутылки.

И в то же мгновение капля узнала её.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. ВСЕ НАЧИНАЕТ МЕНЯТЬСЯ

Да, это была та самая девочка из маленькой индийской деревни. И жена гонщика была права: с её появлением в их жизни изменилось даже не «что-то», а почти все.

Хотя сама девочка старалась вести себя как можно незаметней, и тихонько выскальзывала утром из своей комнаты, когда все спали, а приходила поздно вечером, её присутствие мгновенно стало ощущаться. В гостиной слышался смех, на столе появлялись новые блюда, и даже обычно задёрнутые занавески на окнах раздвинулись почти наполовину, будто дом приоткрыл свои кошачьи глаза.

– Это как крупинка соли, – думала капля. – Она совсем маленькая и невидимая, а меняет вкус у многих литров воды!

Впрочем, разговаривала с девочкой только жена, гонщик как будто немного стеснялся. Может быть, по этой причине вечерами он (к великому облегчению капли) перестал включать телевизор, а садился на диван и открывал какую-нибудь книгу.

Надо признать, что человек с книгой смотрится гораздо лучше, чем перед экраном телевизора. У него и вид симпа-

тичней, и поза естественней. А, главное, цвет лица необычайно выигрывает от правильного освещения. Теперь и нельзя было с уверенностью сказать, сколько гонщику лет.

– Ещё недавно казался стариком, а сейчас прямо не узнать, – удивлялась капля. – Хоть снова выпускай на старт!

Не прошло и недели, как было решено купить девочке новую одежду. Конечно, через «не надо» и «ну что вы!», которые, в сущности, только распалили жену гонщика. Она сгрэбла девчонку в охапку и повезла по магазинам. Вернулись они поздно вечером, и, кажется, привезли с собой половину всех модных вещей из окрестных бутиков. Супруга гонщика торжествовала: ей казалось, что теперь у неё появилась подружка для немудрёных повседневных радостей. Но сама девочка, похоже, так не думала.

В следующие выходные она сказала́сь больной, а ещё через неделю нашла в себе мужество признаться, что собирается на вечеринку к новым друзьям, и поход по магазинам не входит в её планы.

Капле показалось, что при этих словах гонщик поднял глаза от книги и посмотрел на девочку с одобрением.

Так вообще бывает. Даже чемпиону, у которого вся полка набита кубками и наградами, иногда гораздо важнее немного выиграть у собственной жены. И этот выигрыш вскоре стал несомненным, потому что на следующий день девочка случайно заметила тонкую деревянную коробку на верхней полке. Туда уборщица никогда не добиралась, и на коробке ле-

жал толстенный слой пыли.

– Вы играете в шахматы? – спросила она гонщика.

– Да, но уже тысячу лет не играл. Тут ведь не с кем. Жена не умеет, а друзья и знакомые... Они, даже кто раньше играл, теперь этим не интересуются. У нас в Америке популярны семейные игры, вроде монополии. В шахматы играют больше школьники, ну или те, кто в тюрьме сидел...

– А вы сидели? – расхрабрившись, спросила девочка.

– Да, – признался гонщик. – Но недолго, всего несколько месяцев. Однажды в юности угнал мотоцикл.

– Это был хороший мотоцикл?

– Чоппер, – улыбнулся гонщик. – Фронтальной, настоящий старый Харлей. Тогда для нас не было плохих мотоциклов.

– И вас догнали?

– Не догнали бы, да бензин кончился.

– Обидно, – вздохнула девочка. – Это наверно жутко – сидеть в тюрьме?

– Ничего страшного. Только время течёт совсем по-другому. Как в старости.

– Откуда вы знаете про старость?

– А я разве не старый?

– Ну конечно нет! – рассмеялась девочка. – Хотите сыграть в шахматы? Вы хорошо играете?

– Вообще-то был чемпионом колледжа...

– Вот и отлично! Тогда я не буду поддаваться.

Гонщик слегка приподнял бровь, улыбнулся, открыл ко-

робку и начал расставлять фигуры.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. ШАХМАТЫ И СТРАШНАЯ МЕСТЬ

У людей всегда есть какие-то случайные, почти забытые знания и привычки. Умение делать бумажные самолётики или ракеты из спичек. Цитировать наизусть строфы Гомера. Толковать принципы теории относительности. Прыгать на одной ноге с закрытыми глазами. Все это им совершенно не нужно, но без этого они бы не были людьми.

К таким замечательным пустякам, делающим человека человеком, без сомнения, относятся и умение играть в шахматы – невероятную игру, придуманную в Индии много тысячелетий назад.

К своему стыду капля, хоть и была частью океана, который знает все на свете, до сих пор имела очень смутные представления об этой игре. Восемь клеточек вперёд, восемь вбок, вот и все. Но ещё она, как и все капли в мире, знала легенду про эти 64 клетки.

Говорят, будто изобретатель шахмат, индийский брахман по имени Сите, пришёл с этой игрой к могущественному радже, и тому так понравилось в неё играть, что он предложил изобретателю самому выбрать награду. Тот скромно

потупил взор, и сказал, что довольствуется малым: пусть на первую клеточку доски положат одно зёрнышко риса, на вторую два, на третью четыре, и так далее, всякий раз удваивая число зёрен. Но оказалось, что такого количества риса нет во всей стране.

И, кстати! Если бы речь шла не про зерна риса, а про капли воды, на 64-й клетке шахматной доски из них получилось бы самое настоящее море, у которого не видно берегов. Эта игра по-настоящему бездонна.

Вот почему капля, заточенная в пластиковой бутылке, с огромным интересом наблюдала за шахматной партией. Впрочем, первая игра закончилась как-то почти не начавшись. После нескольких быстрых ходов, которые сделали девочка и гонщик, мужчина надолго задумался. Наконец сделал ещё один ход. Девочка почти мгновенно ответила. Гонщик опять погрузился в размышления, и даже начал что-то бормотать себе под нос:

– Так... А если я отойду сюда... Тогда ты пойдёшь сюда...
А если...

– Тут у вас уже спасенья нет, – спокойно констатировала девочка. – Вы слишком рано вывели королеву. Так вообще делать нельзя.

– Да, пожалуй... Ну, давай сыграем ещё, теперь ты черными!

После того как гонщик за час проиграл пять партий подряд, стало ясно, что его шахматные способности перед де-

вочкой просто ничтожны.

– Ты что, гроссмейстер? Ты ведь наверняка профессионально играешь в шахматы! – с возмущением воскликнул он.

– Вовсе нет. Просто вы забыли, я занимаюсь математикой!
И к тому же шахматы – наша, индийская игра. Но вы вовсе не так плохо играете, хотя бы дебюты грамотно проходите, мои друзья в Университете вам в подмётки не годятся.

– Вот как! – польщённо рассмеялся гонщик. – Но все-таки у нас с тобой силы явно не равны.

– Это не так сложно. Могу вас немного подучить.

– А что же... Почему бы и нет?

Кажется, гонщик совсем не расстроился. Даже наоборот. Ведь хотя игра в шахматы очень похожа на маленькое сражение, где слоны, кони, ладьи атакуют и уничтожают друг друга, на самом деле это интересный разговор на языке шахматных фигур, в котором выше всего ценится не победа, а остроумие. Недаром легенда про изобретателя шахмат и раджу имеет продолжение:

Когда раджа сообразил, что зёрнышек риса в его закромах не хватит для всей шахматной доски, он хитро взглянул на изобретателя, и предложил ему отсчитать требуемую награду своими руками. Но только с абсолютной точностью. По одной рисинке. Понятно же, что для этого не хватит и ста человеческих жизней! Так они перехитрили друг друга, и, рассмеявшись, расставили фигуры для новой партии...

Вечером капля заметила, что в руках гонщика появилась новая книга. Это был учебник шахматной игры, который он старательно штудировал, иногда шевеля губами и делая на полях пометки карандашом. Шахматная доска была до блеска очищена и красовалась теперь на столике у дивана, а телевизор с этого дня стал стремительно покрываться слоем пыли.

Но перемены, которые заставляют покрываться пылью телевизор, не проходят безобидно ни в одном доме.

Неделю все вроде было спокойно, по вечерам гонщик дожидался девочку, и они садились за шахматы. Похоже, он делал успехи – теперь случались и ничьи, а однажды к своему собственному изумлению ему удалось даже выиграть. За партией они часто вели увлекательные разговоры. Гонщик порой вспоминал свою молодость, которая, похоже, и сама возвращалась к нему. Он рассказывал о путешествиях, приключениях, о весёлой банде мотоциклистов, с которой когда-то колесил по всей Америке. Иногда разговоры затягивались допоздна. Жена делала вид, что все в порядке, вежливо желала игрокам спокойной ночи и уходила в спальню одна.

Скандал разразился только в субботу.

Рано утром девочка тихо выскользнула за порог, прихватив компьютер и рюкзачок. И, едва дверь за ней закрылась, началась настоящая буря.

Капля в первый раз видела, как люди скандалят. Она и не знала, что они могут так орать друг на друга.

– Ты на меня вообще не смотришь! Все время проводишь с ней! Меня будто не существует! – кричала жена.

– Но ты же сама хотела, чтобы она тут жила... – недоумевал гонщик.

– Я хотела совсем другого! Чтобы она была как приёмная дочь нам! Она у нас живёт, от нас зависит. А ты перед ней красуешься, будто она человек.

– Просто я вспомнил молодость, рассказывал, как мы с ребятами гоняли на чопперах... А куда она ушла?

– Уехала в общежитие. Поигралась и хватит.

– Что? Ты её выгнала? – ахнул гонщик.

– Да, представь! И ты, если тебе это важно, проваливай к своим байкерам, ночуй с ними под заборами.

– Черт! Почему мне самому не пришла в голову эта прекрасная идея?! – воскликнул внезапно гонщик, и решительно направился в гараж. Через несколько секунд оттуда раздалось чихание застоявшегося мотора. Капля второй раз в жизни слышала, как гонщик чертыхается (первый раз это было в пустыне, когда он придумал спасение от жажды). Кажется, мотор тоже решил почертыхаться вместе с хозяином. Наконец мотоцикл взревел и пулей вылетел из гаража.

– Ну и катись! – кричала жена. В гневе она утратила остатки былой красоты, и выглядела как самая настоящая разъярённая фурия, то есть богиня мщения.

А раз она так выглядела, то и начала немедленно мстить. Сначала в мусорный мешок полетела шахматная доска.

Потом дело дошло до кубков и наград. Капля прекрасно понимала, что о пластиковой бутылочке, которой так дорожил гонщик, она тоже не забудет.

И действительно, собрав все награды в мусорный мешок и взвалив его на плечо, женщина схватила бутылочку и встряхнула её так, что капля ударилась о пробку.

– Мусор! Вся его жизнь – вот этот бессмысленный мусор! Лучше бы он сдох в своей Африке! – воскликнула она, и, толкнув плечом дверь, потащила мешок во двор, к мусорным бакам.

Капля успела увидеть, что баки были разного цвета. В один из них жена гонщика бросила призы, а в другой, сквозь узкое отверстие, кинула бутылку. С тихим пластиковым хрустом она упала на десятки других таких же бутылочек и упаковок от йогуртов. В этом контейнере был только пластик. Пластмасса. Отходы, которые шли на переработку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, НИЧЕГО ХОРОШЕГО НЕ ПРЕДВЕЩАЮЩАЯ

Попасть с полки для наград в мусорный бак – не самое страшное, что может случиться в жизни. Подумаешь, мусор! Это просто набор молекул, которые лежат не на своём месте – как сказал один знаменитый химик. Но с тех пор много молекул воды утекло, и теперь люди стараются мусор сортировать. Бумагу к бумаге, очистки к очисткам. А пластик – к пластику.

Именно пластмассу важно отделить от основного мусора в первую очередь, потому что она – самая вредная для природы. Даже тонкий полиэтиленовый пакет может триста лет пролежать в лесу, и никакие бактерии его не съедят. Что уж говорить о пластиковой бутылке! Там вообще такая «вечная» пластмасса, что – привет египетским пирамидам. Вот почему такие бутылки часто собирают в отдельные контейнеры, и, чтобы долго не возиться, отправляют на завод. Туда, где такие же бутылки делают. Старые переплавляют, и из этого материала отливают новые. Такой вот круговорот пластика.

Капле не очень хотелось принимать участие в этом круго-

вороте. Но разве её мнения кто-то спрашивал?

Едва наступила ночь, к помойным бакам с рычанием подъехала большая разноцветная машина, из которой выдвинулось несколько железных рук-манипуляторов. Эти механические руки ловко подхватили баки и начали их вытряхивать в разные люки, открывшиеся в кузове. Капля даже не успела удивиться очередной хитроумной машине, придуманной людьми, как попала в железный склеп, внутри которого стучали и перекатывались тысячи бутылей, бутылок, бутылочек. Ш-р-р! – шуршали они в такт движению машины.

Впрочем, дорога была не долгой. Машина поколесила по кварталу, собирая мусор у других домов, и отправилась на мусорный завод. Там весь бункер с бутылками высыпался на ленту транспортёра, которая понесла их вовнутрь мрачного высокого здания. Мусор бросили под пресс и превратили в огромные брикеты, перевязанные стальными лентами. Бутылку, в которой сидела капля, сжали так, что ей пришлось растечься по всем стенкам. Но это было только начало мусорных мытарств: на следующий день брикеты с бутылками опять куда-то повезли, а потом стальные бандажки разрезали, и сплюсненные бутылки оказались в огромном бассейне, где бурлила проточная вода. Так их отмывали от грязи и этикеток.

Вдоволь покувыркавшись с раздавленной бутылкой, капля ни капельки не сомневалась, что настал момент бежать

из пластмассовой тюрьмы. Тем более в ней появились трещины. Она уже почти забыла, как это приятно: просачиваться, проникать сквозь мелкие изломы, выбираться на свободу! Но, едва она оказалась на воле, её подхватил круговорот мыльной и тёплой воды. Частички грязи, обрывки бумаги – все это вращалось и кружилось в бассейне с неопишуемой скоростью, а потом засасывалось в решётки на дне, и туда же неумолимая сила направила нашу каплю.

Трубы, крыльчатки насосов, фильтры из ткани, бумаги, песка, активного угля... Казалось, им не будет конца. Капля разделялась на мелкие частички и снова собиралась воедино, пройдя очередную сетку или просочившись через мохнатые волокна. Она совсем выбилась из сил, когда попала в Голубой бассейн. «Голубой» – именно с большой буквы, потому что все здесь было голубого цвета. Полная чистота, стерильность. Новейшее очистное сооружение, гордость перерабатывающего завода.

Над Голубым бассейном нависал голубой потолок, подсвеченный голубыми лампами. На нем колыхались голубые отблески. Вдоль стен, выложенных голубой плиткой, шли небольшие карнизы, на одном из которых стояли два человека в халатах. Наверное, халаты были белыми, но в свете от ламп они тоже казались голубыми.

– Здесь у нас чистейшая вода, чище чем в горной реке! – с достоинством сказал один из людей.

– Да это не очень важно, – ответил другой. – Мы все равно

её... Э-э-э... Будем переделывать. Но министерство распорядилось взять воду именно отсюда. Мы ведь говорим, что вырабатываем экологически чистое электричество, поэтому даже воду из реки не будем использовать. Специально возмём очищенные сточные воды. Так сказать, символический жест. Ну ладно, закачивайте её в цистерны!

– Что значит «переделывать воду?» – с тревогой думала капля. Ей вдруг стало страшно, хотя уж она-то многое повидала на своём веку. Но сделать все равно ничего уже не могла – мощные насосы снова погнали воду в темноту, и капля беспомощно полетела по трубам и шлангам, которые вели в большую стальную цистерну.

Ещё одно короткое путешествие на колёсах – и очистка воды началась заново. Опять песок, тонкие сеточки... Капле казалось, что она вечно будет пробираться сквозь бесконечные фильтры, которые уже не могли её очистить, потому что быть чище просто невозможно! Но внезапно все кончилось, и она оказалась в стеклянном баке, на стенках которого располагались массивные металлические пластины, покрытые мелкими пузырьками. Вроде бы ничего страшного – но капля остро почувствовала опасность. Вода в баке была чуть солоноватая, и какая-то странная, безвольная, будто её приготовили к казни.

Через секунду капля поняла, в чем дело. Здесь было электричество. Очень много электричества. Как в шаровой молнии. Электричество играло на металлических пластинах, ко-

которые тянули частицы воды к себе, и те с почти неслышным треском расщеплялись на два газа – водород и кислород. Тысячи, миллионы невидимых смертей воды происходили здесь каждое мгновение.

– Это электролиз! – прохрипела одна из солёных капель, висевших на поверхности. – Нас убивают!

– Зачем? – в ужасе спросила капля. – И что делать? Мы можем спастись?

– Не глотай соль... – успела прохрипеть солёная капля, и её прямо на глазах разорвало на несколько молекул, которые полетели в разные стороны к железным пластинам. Хлоп! И частички воды превратились в пузырьки газа, которые стремительно исчезли где-то наверху.

Капля уже чувствовала, как соль норвит проникнуть в неё, раствориться, ослабить волю, сделать электропроводной, то есть беззащитной перед электрическим током. Она собрала все силы, и отталкивала невидимые, микроскопические, но оттого не менее настырные соляные частицы. А в баке продолжало происходить что-то страшное. Капли гибли одна за другой, на их место сверху наливалась новая вода, и в этом смертельном хороводе приходилось собрать все силы, чтобы не впустить в себя соль и не попасть на заряженные электричеством пластины.

Массовое истребление воды продолжалось в баке много часов и дней, но постепенно капле удалось опуститься почти на самое дно, туда, где, как ей казалось, было поспокойней.

Да только там, на дне, была совсем другая вода. Какая-то странная, не похожая на обычную.

Капля вспомнила, что уже встречала частицы такой воды и в реках, и в океанах. Это были мутанты, одинокие чужаки, с которыми обычная вода никогда не разговаривает. Там, на воле, встретить их было большой редкостью, но тут они уже занимали почти половину бака, и их становилось все больше.

– Они, наверное, неувязимы для электричества! – догадалась капля.

Так оно и было. Но капли-мутанты не собирались ей помогать.

– Мы избранные. Мы тяжёлая вода. Тебе с нами делать нечего. Иди, умирай, – сразу заворчали они.

– Спасибо, как-нибудь в другой раз, – вежливо ответила капля. – Лучше побуду тут.

– Тогда лежи и молчи, примесь.

Это были очень обидные слова для чистой капли воды. Никогда в жизни её не называли примесью. Но что поделать, тяжёлая вода высокого мнения о себе, ведь она очень редкая, и ценится как некоторые драгоценные металлы. Вообще-то она почти ничем не отличается от обычной воды, только в её составе не водород, а его ближайший родственник, изотоп водорода, дейтерий. Вот почему она не боится электролиза. А ещё она ядовита, и пить её нельзя. Но зато тяжёлую воду можно использовать в ядерных реакторах, потому что она прекрасный замедлитель. Попросту говоря, она не даёт ре-

актору взорваться и превратиться в атомную бомбу, а делает его обычной печкой, в которой медленно «сгорают» урановые стержни. Вот для этого её и добывают.

Если бы наша капля об этом знала, она бы испугалась ещё сильнее. Может, ей показалось бы лучшим выходом кончить жизнь на электрических пластинах? Кто знает. Но, к счастью, она ещё не подозревала, какая участь ей уготована, и тихонько затаилась на дне бака.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, ИЗ КОТОРОЙ СТАНЕТ ЯСНО, КАК УСТРОЕН АТОМНЫЙ РЕАКТОР

Атомный реактор – чрезвычайно странное место, страшное и красивое одновременно.

Когда капля попала сюда, ей показалось, что в центре реактора ослепительно сияет ярко-синее солнце. Такого синего цвета ей до сих пор не доводилось видеть, хотя она повидала и синеву океанских вод, и глубокую голубизну неба, и ультрамарин радуги. Здесь был какой-то другой, необычайно сильный синий цвет, ослепительный и как будто твёрдый на ощупь. Он окутывал длинные урановые стержни, висевшие в центре реактора. Мощные насосы гнали тяжёлую воду к этим стержням, и чем ближе, тем ясней становилось, что в них скрыта чудовищная древняя сила.

Уран – очень редкий металл, куда более редкий чем золото, его добывают в горах по мельчайшим крупичкам. Про него ходят странные слухи. Многие учёные считают, что уран во вселенной образуется при взрывах сверхновых звёзд. Как он попал на нашу планету, и почему его находят только в верхних слоях земли, никто не знает. Но самое удивительное свойство этого металла давно известно физикам: он живёт

и стареет, меняясь от тысячелетия к тысячелетию. Атомы, из которых состоит уран, постепенно распадаются, выделяя невидимые частицы – нейтроны, и через миллиарды лет весь уран превратится в обычный свинец. Пока же этого не произошло, уран остаётся одним из самых мощных видов топлива на земле.

Если собрать вместе много урана, его атомы начинают попадать нейтронами друг в друга, выбивая новые нейтроны, и от этого получается уйма энергии. Уран разогревается как печка, и может полыхать жаром годами. А если добавить к этому «много» ещё чуть-чуть, начнётся цепная реакция, и произойдёт страшный взрыв. Получится атомная бомба, способная уничтожать целые города – самое страшное оружие, изобретённое людьми. К тому же нейтроны, которые выделяет уран при взрыве, губительны для всего живого, и заражают смертельной радиацией землю, камни и железо. К счастью, у правителей разных государств пока хватает здравого смысла не швыряться такими бомбами, а только грозить ими друг другу. Они ведь понимают, что когда все разом взорвётся, наступит конец света. А конец света – вещь неприятная, с какого конца ни посмотри...

Но зато, когда учёным удалось обуздать цепную реакцию в уране и заставить её лишь слегка тлеть, люди получили удивительный источник энергии. Маленького кусочка такого ядерного топлива достаточно, чтобы отправить в дальнее плавание огромный корабль или обеспечить электричеством

целый город. Один грамм урана может заменить тысячи тонн угля. Вот для этого и нужны атомные реакторы, в один из которых попала капля.

В стержнях посреди реактора как раз тлела ядерная реакция, поэтому они испускали пронзительный синий свет. Но чтобы удержать реакцию под контролем, рядом с ними висели другие стержни, черные как ночь. Хитрая автоматика то выдвигала их вниз, то чуть убирала наверх. Это были графитовые стержни, надёжно поглощавшие нейтроны. Они и тяжёлая вода вместе замедляли ядерную реакцию, делали её безопасной. Если даже что-то пойдёт не так, графитовые стержни упадут на дно, и уран погаснет, реактор остановится.

Конечно, хорошо рассуждать о том, как надёжно и ловко все устроено в атомном реакторе, если находишься где-нибудь далеко от него. А когда окажешься внутри, да ещё в компании с надменной тяжёлой водой, которая не желает ничего тебе объяснять, можно просто с ума сойти от страха. Тем более что каплю сразу понесло к горячим урановым стержням, в облако неземного синего света. Там было жарко, очень жарко – и капля сразу приготовилась закипеть и испариться, но с удивлением поняла, что закипеть почему-то не получается. Её бил внутренний озноб, и страшное возбуждение, похожее на вороватую щекотку, готово было разорвать её на части, но она оставалась такой же спокойной частичкой воды, словно кто-то сковал её ледяным дыханием.

Горячая и холодная одновременно – как такое может быть?

А очень просто. Вода в реакторе находилась под огромным давлением, и из-за этого не могла закипеть. Триста градусов тепла – настоящий ад для воды, но под давлением она не превращается в пар, а остаётся жидкостью – только очень горячей.

Капля и ахнуть не успела, как мощное течение пронесло её мимо уранового стержня и бросило в широкую трубу, которая вела куда-то вниз. И, к своему удивлению, в этой трубе она почувствовала что-то знакомое. Наконец-то! Среди нескончаемого потока тяжёлой воды рядом с ней течением несло обычную каплю. Такую же, как она.

– Ты меня слышишь? – воскликнула капля так громко, как только могла.

– Конечно слышу, не кричи! – деловито ответила ей другая частичка простой воды. – Ты что, новенькая?

– Да! А куда мы течём?

– Так ты не знаешь? Мы на пути в теплообменник. Отдавать своё тепло! Чтобы крутились паровые турбины, вырабатывалось электричество, горели лампы в городах и посёлках! – с гордостью ответила попутчица.

– Паровые турбины? Мы превратимся в пар и улетим? – с облегчением переспросила капля.

– Конечно же нет. Это не наше дело. Этим занимается обычная вода там, за стенками, которые мы нагреваем. Мы

– избранные, и должны оставаться тут. Возвращаться к урановым стержням, нагреваться, и снова дарить тепло.

– Избранные? Но ты тоже капля обычной воды! Для них ведь ты примесь?

– Не примесь, а законная часть теплоносителя по ГОСТу! Ты так всем тут и говори. В тяжёлой воде допускается полпроцента таких, как мы.

– А разве тебе не хочется на свободу?

– Свобода это иллюзия. Все, кто прикоснётся к урану, становятся другими, – ответила попутчица. – В следующем цикле подплыви к нему ближе, и ты поймёшь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. ПЕСНЯ УРАНА

Круговорот воды в реакторе оказался очень быстрым, и, как показалось капле, буквально через несколько секунд она вновь очутилась в активной зоне.

На этот раз, преодолевая радиационную щекотку, раздвинувшую её на части, она постаралась подплыть ближе к урановому стержню. Правда, сам уран она все равно не видела: он скрывался под плотной алюминиевой оболочкой, в крепком и безопасном чехольчике. Зато она услышала его песню:

Нет ничего древнее времени.

Нет ничего вернее старости.

Стареем. Стареем.

От быстрой жизни к жизни медленной.

Ступени безнадежной гибели.

Скорее. Скорее.

Эта песня, угрюмая и торжественная, звучала в такт внутренней щекотке, охватившей каплю, и разогревала её волнами какого-то мрачного восторга.

Внезапно песня на мгновение прервалась, и она услышала сухой и громкий голос, прозвучавший как будто внутри неё самой:

– Ты не такая как все. Живая вода. Подплыви ко мне ближе.

– Вы это мне? – переспросила капля.

– Стареем. Стареем. – запел снова уран. – *Плыви ко мне. Плыви ко мне.*

Капля, преодолевая толкотню других водяных частиц, осторожно приблизилась к горячему стержню.

– Ты капля живой воды. – утвердительно прозвучал голос, и мелодия вновь пресеклась. – *Живая вода в хороводе смерти. Зачем?*

– Я здесь случайно...

– *Случайностей не существует,* – равнодушно ответил голос, и капля вспомнила, что уже слышала эти слова. Ну конечно, там, в роднике...

– Да, я знаю, – откликнулась она. – *Случайностей не существует.*

– Ты знаешь. – удовлетворённо заключил голос. – *Тогда плыви.*

И снова затянул свою песню:

От быстрой жизни к жизни медленной.

Ступени безнадежной гибели...

Каплю уже несло прочь от урановой сборки, а песня звучала в ней все громче и громче. Как будто она вошла в состав воды, растворилась в ней, как кристаллики коварной соли.

Нет ничего древнее времени.

Нет ничего вернее старости...

– Для тех, кто свободен, времени не существует! – воскликнула капля.

– *Никто не свободен. Весь мир тюрьма*, – прозвучал сзади равнодушный голос урана. – *Скорее. Скорее.*

Капля сделала стремительный кувырок, промчалась через теплообменник, и снова оказалась возле уранового стержня, который продолжал свою мрачную проповедь:

– *Вселенная – тюрьма для звёзд. Человеческое тело – тюрьма души. Атом – тюрьма элементарных частиц. И только распад, старение, смерть – освобождают. Горстка праха, вот что такое твоя свобода. Давай, плыви. Посмотрим, далеко ли тебе плывётся.*

Капля сделала ещё один круг, но успела увидеть лишь мелькнувшие сгибы труб и ребра теплообменника, промчавшиеся как в убыстрённом кино. Мгновение – и она снова повисла в синем радиоактивном облаке, а уран будто бы и не прерывал свою речь:

– *Только время и существует, остальное – пыль и прах. Время ведёт от молодости к старости, от жизни к смерти, от славы к забвению. Я первым начал стареть на этой планете, и моя сила – это сила распада. Люди в миллион раз ускорили мою старость, и они за это заплатят. Время и смерть неразлучны.*

С какого-то момента капле стало казаться, что она неподвижно висит вплотную к урановому стержню, хотя на самом деле мощное течение уносило её по трубам и вновь воз-

вращало к урановой сборке. Но это было не важно.

– Ты забудешь все, кроме моего синего света. Ты станешь избранной. Я подарю тебе энергию распада.

Стареем, стареем!

Капля чувствовала, как нейтронные потоки пронизывают её насквозь. Если бы в ней оказалась частица другого вещества, хоть мельчайшая йота соли, радиация бы зацепилась за неё, поселилась бы в воде. Но, к счастью, сквозь чистую воду радиоактивные лучи проходят без задержки.

Однако мучение продолжалось и продолжалось.

Иногда ей казалось, что прошли миллионы лет, и она висит в середине умирающего солнца, источающего бесконечный мрачный и торжествующий вопль.

– Может быть, именно так гибнут сверхновые звезды, – думала капля каким-то краешком того, что осталось в ней от сознания. – Или наоборот, рождаются черные дыры, которые вытягивают в себя все. Даже свет. Даже время. Хорошо бы, если бы нас всех всосала чёрная дыра...

– Верно мыслишь! – хвалил ее уран. – Еще немного, и ты станешь избранной.

Ступени безнадежной гибели.

Скорее. Скорее...

Все кончилось неожиданно.

Сначала синий свет начал быстро ослабевать. Потом капля почувствовала, как снижается давление. Реактор остывал. Вдруг, как будто кто-то включил звук, взревели насосы, и её

бросило в трубопровод. Но вода по нему шла непривычно медленно и тихо. В первый раз капля смогла внимательно осмотреть все изгибы и стыки своей атомной тюрьмы, и с удивлением сознавала, что её путешествие по трубам и теплообменникам длится долго. Очень долго. Может быть, целый день?

Наконец поток воды вернулся в реактор, и она увидела, что где-то в куполе открылся люк. Урановую сборку медленно вытягивали наверх.

– Перезагрузка! Берём пробу на радиоактивность!

В воду рядом с каплей плюхнулась обычная пластмассовая бутылочка, привязанная к верёвке. Точно такая же, как та, в которой она провела многие годы. И капля бросилась к ней, как к желанному убежищу.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ, В КОТОРУЮ СНОВА НЕНАДОЛГО ЗАГЛЯДЫВАЕТ ГЛИСТ

Пробирки стояли в специальной кассе на белом столе. На одних была этикетка «контроль», на других – «проба». Капля, конечно, была там, где пробы. А в контрольных пробирках оказалась вода, которую не стали наливать в реактор. Образцы для сравнения.

Учёные всегда так делают.

Берут, например, двух мышей. Одну просто кормят, а другой вкалывают из шприца какой-нибудь вирус. И смотрят, насколько ей хуже, чем контрольному экземпляру. А потом пишут об этом диссертации.

Иногда кажется, что бог, судьба или ещё какая-то могущественная сила разделила всех нас на экспериментальные и контрольные образцы.

Капля с некоторой грустью думала, что, наверное, её приключениям суждено всегда попадать в «пробы».

– Но все прекрасно, радиоактивность в норме, – сказал над каплей человек в белом халате. – За девять лет никаких изменений.

– Девять лет! – подумала капля. – Я была в реакторе де-

вать лет. А кажется, что столетия...

– Мишель, помой пробирки!

Капля решила, что сейчас стекляшки со стола сгребёт грубая мужская рука, однако Мишель оказалась девушкой, и при том очень аккуратной. Она осторожно приподняла пробирки и понесла к раковине в углу лаборатории, но в недоумении остановилась:

– Ой, у нас тут змеевик на промывке стоит!

И действительно, в раковине высилось сооружение из стеклянных трубок, через которое непрерывно текла вода.

– Да ладно, подумаешь проблема, вылей в туалет!

Вообще-то в лабораториях так делать не принято, и Мишель растерянно пожалала плечами. Но человек в белом халате определённо был её начальником, так что возражать она не решилась.

– Выливай, выливай! – и он весело засвистел себе под нос какую-то мелодию. Пробирки в руках лаборантки нервно звякнули.

– Простите пожалуйста... – краснея, начала она. – Вы не могли бы перестать вот это делать...

– Что «вот это»?

– Ну, свистеть. Если вам не трудно.

– А в чем дело? – удивлённо спросил начальник. – Это плохой приметой считается? Денег не будет? Ха-ха! Не волнуйся, зарплату получишь во-время.

– Нет, я просто прохожу курс лечения, и мне врачи сказа-

ли что нужно избегать свиста. Когда рядом свистят, у меня... Гм... Начинается в некоторых местах чесотка...

– В каких местах? – с любопытством спросил начальник.

– Ну, в некоторых. Не важно.

Из пробирки капля видела, что бедная Мишель уже вся покрылась от смущения красными пятнами.

– Ладно, ладно, раз так, конечно я не буду свистеть при тебе! – человек в белом халате наконец заметил, как покраснела лаборантка, и ему тоже стало неловко. – Хотя странно конечно, в первый раз слышу о такой реакции на свист...

– Спасибо! – вежливо пискнула Мишель, и торопливо выскочила с пробирками в коридор. Она забежала в туалет и начала выливать образцы. Капля охнуть не успела, как оказалась внизу, на дне фаянсового коленца. Но вдруг Мишель торопливо отложила оставшиеся пробирки, быстро расстегнула поясок и присела на унитаз. Капля застенчиво отвела взгляд в сторону, но тут сверху раздался знакомый голос.

– Тут уже никто не свистит? – озабоченно спросил он.

– Нет, только журчит!

– О! – сказал глист (потому что, конечно, это был он) – Старая подруга! Привет, капля живой воды!

Не так-то часто каплю узнавали в лицо, и она с удивлением поняла, что рада видеть этого бледного противного червячка (то ли доктора, то ли паразита), хотя с момента их первой встречи прошло столько времени...

– Ты ещё жив? – с удивлением спросила она.

– Не дождётесь! – весело заявил глист. – Вообще-то мы живём до тридцати лет. Я, можно сказать, в рассвете сил.

– А как тут оказался? В Америке? Это ведь Америка?

– Пути гельминтов неисповедимы, – с достоинством ответил глист. – У Мишель аллергия, она родом из Израиля. Мы проходим курс терапии.

– Бедная Мишель!

– О да. Вообще, думаю, она может подать на своего начальника в суд за вторжение в личное пространство. Он свистом чуть не сорвал лечение. Но Мишель не так давно приехала в Америку, она не знает местных законов. А я читал о подобных случаях...

– Ещё чего! – воскликнула капля. – Дурацкие законы. Зачем раздувать то, о чем можно забыть через пять минут?

– Ну, люди тут считают, что это справедливо...

– Опять справедливость! – фыркнула капля. – Почему всюду, где я тебя встречаю, начинаются разговоры о справедливости? Зачем она нужна, такая справедливость по пустякам? Судиться из-за того, что чешется попа?

– Не знаю, – хмыкнул глист. – Ну, может, чтобы юристы зарабатывали деньги, например... Они ведь и придумывают законы. Что посеешь, то и пожрёшь – так ведь говорят?

– Юристы, адвокаты... Вот уж, правда, настоящие паразиты! Ой, прости...

– Ха! – сказал глист. – Конечно, паразиты. Ты даже не представляешь, какие. Мы, гельминты, им в подмётки не го-

димся.

Наступило неловкое молчание – только тихонько журчала вода в сливном бачке, и поскрипывало сидение под попой Мишель.

Ну ладно, хватит об этом! – решительно заявила капля. – Вообще-то я все равно рада тебя видеть. Ты что будешь делать дальше?

– Мои планы пока не ясны, – сказал глист. – Я во многом завишу от Мишель. Надо закончить лечение, я ведь давал клятву Гиппократу. А вообще, думаю, в следующий раз можем увидеться где-нибудь на Марсе.

– На Марсе? – рассмеялась капля. – Каким образом?

– Полагаю, возьмём тяжёлый «Фалькон». Мишель мечтает стать астронавтом, и, надеюсь, у неё получится. А если нет – заведусь в ком-нибудь из богатых космических туристов, их теперь хоть отбавляй. Космос – новое пространство возможностей для паразитов! А ты куда думаешь податься?

– Не знаю. Вернусь, наверное, в круговорот.

– Это твой долг, – уверенно заявил глист. – Ты украсишь природу. Приятно смотреть, как течёт вода и люди работают. Огонь мне нравится меньше.

– Да уж, и электричество.

– Электричество вообще отвратительно!

– И атомная энергетика.

– Вообще-то Мишель её любит, – заметил глист. – Но я не понимаю как можно любить урановые стержни. По мне,

так страшная гадость.

– Да это вообще чистая смерть! – с возмущением воскликнула капля.

– Что, не сладко пришлось в реакторе?

– Очень.

– Ладно, теперь ты свободна. Сейчас спустят воду, и отпавишься в свой круговорот.

– А ты – в свой. Ну, не пропадай!

Сливной бачок глухо всхлипнул, и на каплю помчался бурлящий поток.

– До встречи на марсианских просторах! – кричал на прощание глист. – Маленький шаг для одного гельминта, но великий скачок для всей биосферы! На старт! Внимание! Марш!

Капля могла только позавидовать энтузиазму и целеустремлённости глиста. Она вот почти всегда плыла по течению. Но если это не просто течение, а *течение событий*, можно почувствовать себя свободной даже в канализационной трубе.

Быстрый поток нёс её в неизвестном направлении, и она точно знала, что будущее непредсказуемо.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. НАЗВАНИЯ ОБЛАКОВ, СИЛА КОРИОЛИСА И РАКЕТЫ

Место воды – в небе. Так, по крайней мере, думала капля, испаряясь из огромного очистного бассейна, куда её приволокли сточные воды. Она давно полюбила эти короткие мгновения, когда тёплая сила разрушает плёнку поверхностного натяжения, по мельчайшим частицам поднимая воду в небо. А в небе – там начинается настоящая жизнь!

Облака строго разделены на несколько небесных иерархий. Выше всего, почти у границ космоса, в вечном холоде живут серебристые облака. С земли их не увидишь, только ракеты и шары-метеозонды приносят их фотографии на землю. Гораздо ниже, там, где летают самолёты, располагаются перистые облака. Они тоже существуют в царстве вечной зимы, и состоят из мельчайших кристалликов льда. Эти облака не проливаются дождями и не грозят снегопадами, они несут воду в дальние странствия, и лишь со временем отпускают её вниз, где она превращается в слоистые, плотные облачные фигуры. Ниже всех опускаются кучевые облака, которые постепенно тяжелеют и готовятся пролиться дождём.

В этот раз капле повезло, она сумела добраться до пери-

стых облаков. Холодный воздух небесной свободы пьянил и разрывал от восторга на части, превращая каплю в горстку почти невидимых ледяных кристаллов. Едва слышно позвякивая они пели песню, перечисляя имена облаков по-латыни:

Стратус – ты шелк небес

Кумулус – шерсть небес

Циррус – перья небес

Нимбус – несущие дождь

На самом деле в облачном атласе, составленном людьми, есть ещё десятки и сотни названий для облаков, и каждый год появляются новые. Например, *Вольтус* – облака, как будто скрученные в рулон, или *Асперитас* – похожие на бурное море. Есть даже специальное название для белых следов в небе, которые оставляют самолёты, их называют *Гомогенитус*, то есть «облака, сделанные человеком». Как и все капли-путешественницы, наша капля прекрасно знала эти имена, и с наслаждением произносила их, оглядываясь по сторонам.

И вдруг капля увидела вдали облако, про которое в облачном атласе не было ни слова. Это было белое вертикальное облако, как гигантский клин пронзившее нижний облачный слой, и уходящее вверх на невообразимую высоту. Облако-башня, облако – небесная лестница! Оно на глазах бледнело и распадалось на клубочки пара, как бывает с *гомогенитус* (следами самолётов), но ни один самолёт не мо-

жет оставить подобный след. В этом облаке была скрыта загадка, и капля настолько ею увлеклась, что непроизвольно собралась, потяжелела и начала стремительно проваливаться вниз, в пушистый слой кучевых облаков.

– Добро пожаловать в нижний эшелон! Давай, оттаивай! – радостно встретили её дождевые капли, летевшие в белом барашке. – Замёрзла там, наверху?

– Вовсе нет! А что это там, впереди? Какое-то странное вертикальное облако?

– Понятия не имеем!

– А внизу? Что за земля? Все ещё Америка?

– Пока что да, штат Техас. Но скоро граница, дальше начинается Мексика. Древние, загадочные земли. А там, при попутном ветре, может, и до экватора долетим! Мы, капли из Миссисипи, часто так делаем. Ты когда-нибудь была в южном полушарии?

Капля не могла точно ответить на этот вопрос. И действительно, как узнать, в южном ты полушарии Земли, или в северном?

– Можно по силе Кориолиса, – авторитетно заявила одна из капель. – Люди говорят, что из-за вращения земли в южном полушарии, когда сливают воду из ванной, она закручивается по часовой стрелке. А в северном – наоборот.

– Ха-ха-ха! – засмеялись над ней другие капли. – Это старая шутка. Тысячу раз пробовали! Ерунда. Куда хочет, туда и крутится. Что в северном, что в южном.

– А все-таки можно как-то понять, на севере ты или на юге? – озадаченно спросила капля.

– По звёздам! Ты же знаешь, наверное, полярную звезду, самую яркую звезду на небе?

– Конечно, знаю!

– Так вот, в южном полушарии её не видно. Зато там видны яркие звезды, из которых складывается крест. Южный крест! Если однажды увидишь, уже не забудешь.

– Выходит, я всю жизнь путешествую только по северному полушарию, – с удивлением подумала капля. – Надо же, как огромна наша планета! А ведь она лишь песчинка в космосе...

– Вот, смотрите, что это там внизу? – вдруг наперебой затараторили капли. – Ты это помнишь? – Нет! – И я тоже не помню! Тут раньше ничего не было!

Капля подобралась к краю и взглянула вниз.

Оказывается, облако летело вдоль берега моря. И там, на берегу, раскинулся небольшой городок, улицы которого были пестры от автомобилей и толп пешеходов. Особенно много народу собралось на длинной набережной. А в километре от берега высился искусственный остров, покрытый какими-то сложными конструкциями. Там были гигантские ангары, сверкающие сталью и стеклом здания и огромная бетонная площадка, на которой стояли высокие металлические сигары с острыми вершинами. Ракеты! Ну разумеется, это был самый настоящий космодром. И люди на набережной

смотрели именно туда.

Капле тоже захотелось здесь задержаться, и она стала незаметно пробираться в нижнюю часть облака. Впрочем, не одна она проявляла любопытство: хотя облако не было дождевым, на его нижней кромке скопилось так много капель, что они начали с ахами и охами падать вниз, на набережную и на листья высоких пальм, росших у самого берега.

– Эй, ну мы же не дождь!?! – кричали они. – Мы просто хотели посмотреть...

Капля попыталась отпрыгнуть обратно в облако, но было поздно: ещё две капли налетели на неё, толкнули, и все вместе они кубарем полетели вниз, на усеянную людьми, автомобилями и мотоциклами набережную. В последний момент ветерок бросил её на пальму, которая росла прямо над всем этим столпотворением. Большой мясистый лист вздрогнул, закачался, но удержал каплю на краю. Ну что ж. Лучшей наблюдательной площадки нельзя было и придумать.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ, В КОТОРОЙ ОДНИ ЛЮДИ ВСТРЕЧАЮТСЯ, А ДРУГИЕ ДЕЛАЮТ «ФЬЮТЬ»

Наступил вечер, и толпа внизу уже подсвечивалась экранчиками фотоаппаратов и смартфонов, будто разноцветный поток тёк у подножия пальмы. Все старались сфотографировать ракеты, стоявшие на острове, и не упустить момент, когда они начнут взлетать. Через толпу осторожно пробирались велосипедисты, наездники моноколес, сегвеев, гироскутеров, электрических коньков и других самоходных аппаратов, которые мешают людям ходить в своё удовольствие. Аппараты тихо попискивали, прохожие тихо поругивались. Но неожиданно вдали раздался хриплый, «картофельный», как говорят байкеры, звук мотоциклетного мотора, и на бережную выехал чёрный, сверкающий никелем старинный «Харлей». Толпа расступалась перед ним, как расступается вода перед мощным океанским кораблём. На бензобаке «Харлея», на чёрном лаковом глянце блестела серебристая эмблема – летящий олень с запрокинутыми рогами. Мотоцикл остановился как раз под пальмой, ездок откинул под-

ножку, заглушил двигатель, и капля с удивлением узнала в нем гонщика.

Наверное, лет десять прошло, пока она крутилась в реакторе, а для людей такой срок не проходит бесследно. Конечно, он постарел. Но это ж совсем другое дело, *как* он постарел! Его волосы поседели, зато теперь они были так длинные, что напоминали белую мантия короля. Его лицо, которое и раньше казалось будто вырезанным из дерева, избороздили благородные морщины, и оно сделалось мудрым и суровым. Но в уголках губ пряталась улыбка. И она вырвалась на свободу в следующее мгновение, когда к гонщику подбежала темноволосая девушка с красной точкой на лбу, чтобы броситься ему на шею.

Капля едва не упала с листка пальмы, когда вдруг поняла, что эта грациозная взрослая женщина – её старая знакомая, девочка из индийского посёлка.

– Какой странный вечер, – подумала она. – И в воздухе как будто пахнет новорождённой водой...

– Привет, сестрёнка! – тихо сказал гонщик. – Ну надо же. Столько лет не виделись. Как сама-то?

– Замечательно! Вот, мы тут с мужем моим и сыном... А как вы... То есть ты...

– Нормально. Сама видишь, живу.

– А что тут делаешь?

– Да вот, приехали с ребятами посмотреть, как богатые бездельники развлекаются.

– Это «Харлей»? – с интересом спросила девушка, разглядывая мотоцикл.

– Не просто «Харлей». А *тот самый* «Харлей», – со значением сказал гонщик.

– Не может быть! Тот самый, который ты пытался угнать в детстве?

– Да, тот самый. В этот раз мне повезло.

– Ты опять его угнал? И полиция не догнала?

– Куда им, ведь теперь бак полный! – рассмеялся гонщик. – Ну, если честно, обошлось без полиции. Просто я проезжал через один городок на севере Техаса, и вдруг увидел его. Он ржавел там во дворе, с него слез весь никель, но я узнал его с первого взгляда. Видишь, рога на баке? Он один такой. Пригнал фуру, и ночью мы с ребятами его украли. Конечно, я оставил хозяину записку с телефоном, и готов был заплатить любые деньги, но он позвонил лишь чтобы поблагодарить, что я избавил его от металлолома. А я из этого металлолома вот такую конфетку сделал.

– Потрясающе! Круговорот «Харлеев» в природе! – рассмеялась девушка.

– Ну да, вроде того. А ты в шахматы ещё играешь...

Гонщик не успел договорить. Из колонок, установленных на набережной, вдруг раздалась музыка, манящая и печальная, и чей-то голос запел про майора Тома, улетающего в космическую пустоту. Но толпа радостно засуетилась, и капля увидела, как прямо над морем возникает гигантский про-

екционный экран. Он состоял из тысяч крошечных квадрокоптеров, повисших над водой и мигавших разноцветными огоньками. Изображение на экране делалось все чётче, и через минуту стала ясно видна голова человека средних лет. Человек был не то чтобы красив, скорее наоборот, он напоминал слегка подвыпившего Деда Мороза, у которого так и не выросла борода. И, тем не менее, толпа затаила дыхание, словно перед ней появился настоящий волшебник.

– Вы потрясающие. Спасибо, что вы тут. Я бы хотел, чтобы каждый из вас смог сейчас просто подойти к трапу и подняться на борт одной из ракет, – начал свою речь человек на экране.

Казалось, он мучительно долго подбирает слова.

– Я бы хотел... Но это невозможно. На Марс сегодня отправляется только сто человек. Сто человек из восьми миллиардов людей.

Человек как будто сглотнул комок в горле, и продолжил:

Я знаю, о чем многие сейчас думают. Конечно, не все кто хочет, смогут сегодня или завтра отправиться в космос. Это путешествие стоит огромных денег. Даже в богатой Америке мало кто может столько заплатить. А в Африке, на континенте где я родился, большинство людей до сих пор ютится в хижинах и трущобах. Им не заработать таких денег за всю жизнь. Кроме того, для полёта требуется прекрасное здоровье, смелость и молодость, а этого не купишь ни за какие деньги...

Человек на экране растерянно улыбнулся, и неловко развёл руками.

Капля подумала, что вот теперь он в точности похож на Деда Мороза, который забыл зажечь новогоднюю ёлку.

– Вы, наверное, скажете, что это несправедливо? – продолжал человек. – Да, это несправедливо.

Вы скажете, что, прежде чем осваивать другие планеты, нам надо сперва разобраться со своими делами на земле – например, победить бедность и болезни?

Да, конечно надо.

Но точно так же было сто лет назад, когда в небо взлетали первые самолёты. Пилотами или пассажирами могли стать редкие счастливицы. А теперь каждый год в воздух поднимаются миллиарды людей, и полететь может даже столетний старик. Самолёты помогают перевозить больных, доставляют продукты и лекарства, тушат пожары. Самолёты просто стали частью нашей жизни, и во многом они делают её лучше.

Поверьте, очень скоро так же будет с космосом. Просто кому-то должно в первый раз повезти. Кто-то должен удачно взлететь и благополучно сесть. Построить на Марсе дома, добыть там воздух и топливо. Возвести там такой же космодром, чтобы между нашими планетами наладился космический мост. Научиться возделывать мёртвую марсианскую почву и выращивать на ней деревья. Короче, сотворить чудо.

Первым поселенцам на Марсе придётся несладко. Их ждёт тысяча опасностей. Но там есть вода, а, значит, есть главная основа жизни... И они справятся.

– А сам-то никуда не летит! – подумала капля. – Будет ждать, наверное, когда там все для него обустроят... Все богачи такие. Говорят гладко, а посылают рисковать других.

– *Для того, чтобы у нас все наверняка получилось,* – продолжал человек, словно читая её мысли – *я должен остаться на земле. Я должен руководить миссией, находить деньги, строить новые ракеты, убеждать президентов, миллионеров, шейхов и королей, да и всех вас, как важно осваивать космос... Убеждать вот такими же речами, как эта. Но черт, как же мне это надоело!* – вдруг воскликнул он.

Все ахнули.

Человек встал во весь рост, и стало видно, что он одет в космический скафандр.

– *Я улетаю. Доверяю космическую мечту вам.*

Экран погас.

По серебристым бокам ракет продолжали течь струи холодного азотного пара. Толпа на набережной ошеломлённо молчала. Но в этом молчании капля чувствовала что-то знакомое, как бывает, когда солнце нагревает воду, и она почти готова отдаться новому круговороту.

– Вот это да! – догадалась вдруг она. – Этот человек только что сделал «фьють»!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ ЛУЧШЕ ВСЕГО ПОСТАВИТЬ ТОЧКУ

Ракеты взлетали одна за другой, через равные промежутки времени.

За их рёвом капля не слышала, о чем продолжали говорить под пальмой гонщик и индийская девушка. Не услышала она и шума мотора «Харлея», который торжественно выехал на середину набережной и медленно скрылся из виду.

–Ш-ш-ш! – шипели ракетные двигатели.

Огромные прожектора с земли подсвечивали небо, и было ясно видно, что за каждой ракетой остаётся широкий белый облачный след. Он вёл вверх и вверх, далеко к границам атмосферы. Ещё один вид облаков, созданных человеком...

Наконец на земле осталась последняя, самая большая грузовая ракета. Народ медленно расходился. Под пальмой теперь стояла только индийская девушка, пытавшаяся кому-то позвонить по телефону. Вдруг она спрятала телефон в сумочку и радостно замахала рукой.

– Я тут!

Из темноты вышел мужчина, на шее у него сидел мальчик лет пяти. Они были похожи... Ну нет, не как две капли воды,

конечно. Просто капля прекрасно знала мужчину, когда тот был мальчиком. Много-много лет назад, зимой, в дальней холодной стране, когда была снежинкой. И потом, в избушке у грибного леса...

Мужчина бережно поставил мальчика на землю и обнял девушку.

– Да, мы видели тебя. А кто это был? – спросил он, указывая в сторону уже почти скрывшегося из виду «Харлея».

– Это *он*, представляешь!

– Тот самый человек, у которого много жизней? Который спасся в пустыне каплями воды, с которым ты играла в шахматы? Удивительно! А ты заметила, что у него на мотоцикле нарисован лесной олень?

– Нет. Правда? А что это значит?

– Я не знаю. Но однажды много лет назад, когда я увидел такого оленя на мотоцикле, я загадал желание. А сегодня оно исполняется.

Они на мгновение замолчали, глядя друг другу в глаза.

– Кто-то уходит с земли навсегда, кто-то возвращается, – задумчиво проговорила девушка. – Как взрослые, а ты ребёнок. Мне даже почудилось, будто я совсем маленькая. Стою у окна и смотрю на бегущие по нему капли.

– Я тоже что-то подобное чувствую, – ответил мужчина. – Будто взрослые уехали. Мне на мгновение даже показалось, что пахнет грибным воздухом, как в том лесу, где бабушка жила...

Капля тоже помнила этот лес.

– Правда? А на меня будто повеяло благовониями из моего дома.

Капля помнила и этот дом.

– Мы там давно уже не были. И у тебя, и у меня... Как ты думаешь, они вернутся? – мужчина показал в сторону последней ракеты, которая прогревала двигатели перед стартом.

– Не знаю. Да ну их, этих взрослых. Вся планета в нашем распоряжении. Это же здорово! – рассмеялась индийская девушка.

Ракета взревела и повисла на мощной реактивной струе, бившей из хвостовых дюз.

– Взлетает, смотрите, взлетает! – закричал мальчик, который совсем не прислушивался к тому, о чем они говорят. – Мама, папа, я тоже хочу путешествовать на Марс! А почему за ракетой тянется облако?

– Это капли. Водяной пар, – ответил отец.

– Разве ракета работает на воде? – удивлённо спросил мальчик.

– Нет, на водороде и кислороде. Но когда они сгорают, из них снова получается вода. Так что это новорождённое облако.

Ракета летела все быстрее. Ещё несколько секунд – и она скрылась в чёрном небе, превратилась в маленькую яркую точку, которая отражалась в капле, лежавшей на пальмовом

листе.

– Смотрите! Новорождённый дождь! – закричал вдруг мальчик.

И правда, облако пара мелкими каплями проливалось в море совсем рядом с набережной. И все-таки до берега они не долетали.

– Ракетная вода! – прошептал мальчик. – Мама, папа! Я загадал желание. Если поймаю каплю, значит точно стану астронавтом!

И он вытянул руку с широко распахнутой ладонью.

– Так ли это нужно ему? – подумала капля. – Ведь этот африканский Дед Мороз, который улетел на Марс, абсолютно прав. На Земле ещё много важных дел.

Она и сама не замечала, как перевалилась через край листа, и уже летела на расправленную детскую пятерню.

– Так ли это нужно мне? Зачем я это делаю?

Но может, мой дом, моя точка круговорота, откуда нужно начинаться и где кончаться – не океан, а ладонь, на которую я почему-то падаю снова и снова?

Точка – пусть она будет тут.